

Перес Гальдос Б.

КАДИС

ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

История в романах

Бенито Гальдос

Кадис

«Алисторус»

УДК 82/89
ББК 84(4Исп)

Гальдос Б. П.

Кадис / Б. П. Гальдос — «Алисторус», — (История в романах)

ISBN 978-5-486-03091-8

Бенито Перес Гальдос (1843–1920) – испанский писатель, член Королевской академии. Юрист по образованию и профессии, принимал деятельное участие в политической жизни страны: избирался депутатом кортесов. Автор около 80 романов, а также многих драм и рассказов. Литературную славу писатель завоевал своей исторической эпопеей (в 46 т.) «Национальные эпизоды», посвященной истории Испании – с Трафальгарской битвы 1805 г. до поражения революции 1868–1874 гг. Перес Гальдос оказал значительное влияние на развитие испанского реалистического романа. Отличительные черты его стиля – динамизм и публицистическая заостренность. В этом томе публикуется роман «Кадис», действие которого происходит с февраля 1810 по май 1811 г. Это было очень тяжелое время: стремясь любой ценой покончить с испанским сопротивлением, Наполеон направил за Пиренеи крупные силы, и французским войскам к началу 1810 г. удалось оккупировать почти всю территорию страны. Правда, это еще не означало покорения Испании, ибо во французском тылу действовали многочисленные партизаны, наносившие оккупантам тяжелые удары, но так или иначе свободным от французов оставался в то время только город Кадис, и неудивительно, что он стал центром притяжения для всех тех, кто не хотел примириться с наполеоновским владычеством.

УДК 82/89
ББК 84(4Исп)

ISBN 978-5-486-03091-8

© Гальдос Б. П.

© Алисторус

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

38

Бенито Гальдос

Кадис

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2009

© ООО «РИЦ Литература», 2009

* * *

I

Февральским утром 1810 года я покинул остров Леон, где служил в гарнизоне, и отправился в Кадис, повинаясь столь же краткому, сколь и сдержанному приглашению, которое некой даме угодно было мне прислать. Стоял чудесный, веселый и ясный день, обычный для Андалузии. Вместе с другими товарищами, шедшими в том же направлении, хотя и с иной целью, я шагал по длинному перешейку, который служит тому, чтобы материк не имел несчастья быть отделенным от Кадиса. По дороге мы осмотрели замечательные укрепления – Торрегорду, Кортадуру и Пунталес, побеседовали с монахами, с важными персонами – руководителями фортификационных работ; поспорили о том, достаточно ли отчетливо, видны позиции французов по другую сторону бухты, выпили по стаканчику в таверне Поэнко близ Пуэрта-де-Тьерра¹ и наконец распрощались на площади Сан-Хуан-де-Дьос, откуда каждый из нас направился по своим делам. Это было, повторяю, в феврале, не скажу точно, в какой именно день, но несомненно в начале месяца, ибо у всех был еще жив в памяти наш гордый ответ французам: «Город Кадис, верный своей присяге, не признает иного короля, кроме сеньора дона Фердинанда VII. 6 февраля 1810 года»². Когда я дошел до своей цели на улице Вероники, хозяйка дома, донья Флора, сказала мне:

– Меж тем как графиня с нетерпением ожидает юного кабалъеро, он изволит коротать время с веселыми красотками в таверне Поэнко!

– Сеньора, – ответил я, – клянусь, что у Поэнко я не видел ни одной девушки, кроме Пены Игадос, по прозвищу Пышка, и Марии де лас Ньевес из Севильи. И да будет Бог мне свидетель, мы задержались там не больше часа, и лишь затем, чтобы не заслужить упрека в невоспитанности и неучтивости.

– Какая неслыханная наглость! – воскликнула разгневанная донья Флора. – Знайте, кабалъеро, мы с графиней весьма недовольны вами, да, сеньор. С прошлого месяца, когда моей подруге посчастливилось напасть на след этой заблудшей овечки в Пуэрто, вы посетили нас не более двух или трех раз, предпочитая проводить свой досуг среди солдат и веселых девиц, вместо того чтобы искать общества серьезных и воспитанных особ, столь полезного неопытным юнцам. Что случилось бы с тобой, – прибавила донья Флора, неожиданно смягчаясь и переходя на задушевный тон, – что случилось бы с тобой, юное создание, брошенное в столь нежном возрасте в водоворот жизни, если бы мы, сжалившись над твоим сиротством, не приголубили и не приютили тебя, укрепляя здоровой, вкусной пищей твою плоть и мудрыми советами твой дух! Несчастное дитя!.. Ладно, не стану больше тебя бранить, плутишка. Ты прощен. Обещай с сегодняшнего дня не заглядываться больше на бессовестных девиц, которые посещают таверну Поэнко. Сын мой, цени общество достойных, порядочных людей, имеющих определенный вес и положение... Скажи-ка мне, что ты хочешь на завтрак? Ты останешься у нас до утра? Может,

¹ Пуэрта-де-Тьерра («Земные ворота») – городские ворота Кадиса.

² Ответ жителей Кадиса на ультиматум французов, требовавших капитуляции города.

ты ранен, контужен и тебе требуется перевязка? Если захочешь отдохнуть, не забудь, что рядом с моей комнатой тебя ждет уютная спальня.

Свои слова донья Флора подкрепляла чудесной гаммой жестов и подмигиваний, милыми гримасками, неожиданным взлетом бровей, выразительным оттопыриванием губ и прочими ужимками, которые стремительно чередовались на ее ухоженном, искусно подкрашенном лице. После того как я – полушутя-полусерьезно – принес ей свои извинения, она принялась отдавать приказания относительно моего завтрака; раскаты ее властного голоса еще гремели на весь дом, когда в гостиную, с трудом сдерживая смех, вошла графиня, которая из соседней комнаты слышала, как отчитывала меня донья Флора.

– Моя подруга права, – сказала мне графиня после приветствия, – сеньор дон Габриэль – ветреный юноша, и не худо бы держать его в ежовых рукавицах. Слыханное ли дело – желторотый птенец заглядывается на хорошеньких девушек! Какое бесстыдство! Ему впору заниматься в школе или сидеть пришитым к юбке какой-нибудь серьезной, положительной особы, кладезь назидательных советов!.. Приберите юношу к рукам, донья Флора, направьте его сердце на путь возвышенных чувств, растолкуйте ему, что истый кабальеро обязан питать уважение к достопочтенным памятникам древности.

Выйдя из комнаты, донья Флора вернулась, неся две штуки шелковой ткани, желтой и алой, и тут же принялась с помощью горничной мастерить нечто вроде классической туники или хитона, обшивая ее серебряным галуном. Зная слабость доньи Флоры к экстравагантным туалетам, я подумал было, что странное одеяние готовится для нее, но, убедившись, что их скроено немалое количество, решил, что скорее всего они предназначены для театральных статистов или цирковых наездников.

– До чего же вы ленивы, сеньора графиня! – воскликнула донья Флора. – Ну как с вашим талантом к шитью не помочь мне выполнить заказ для «Крестоносцев Кадисской епархии»³, которым предназначено покончить с Францией и королем Жозефом?

– Мне не по душе, дорогая моя, терять время на глупости, – ответила моя бывшая госпожа. – Если уж надо колоть пальцы иголкой, то я предпочитаю по-прежнему шить белье для наших бедных солдатиков, которые пришли с Альбукерке из Эстремадуры⁴ такими жалкими и оборванными, что больно на них смотреть. Поверьте, дорогая донья Флора, они, и только они, изгонят французов, а не эти уроды крестоносцы во главе с вашим доном Педро дель Конгосто, самым безумным среди всех безумцев нашей земли, прошу прощения за правдивые слова.

– Голубушка моя, не говорите подобных вещей при этом невинном юнце, – взмолилась донья Флора с плохо скрываемым удовлетворением, – а то он, чего доброго, вообразит, будто славный военачальник крестоносцев, ради которого я тружусь с иголкой в руке, питал ко мне когда-либо иные чувства, кроме чистейшей привязанности, не запятнанной ничем таким, что Дон Кихот именуется «вызывающим кокетством». Увидев меня впервые в доме моего кузена дон Алонсо, дон Педро полюбил меня столь самозабвенно, что во всей Андалузии он не нашел другой женщины, достойной хотя бы одного его взгляда. С той поры и по сие время его поклонение приобретает с каждым годом все более утонченный, возвышенный и платонический характер. Свои чувства ко мне он неизменно выражает в наипочтительнейшей манере, и за все долгие годы нашего знакомства он не посмел меня коснуться и кончиком пальца. Люди толковали, будто мы склонны вступить в брак. Но не говоря уже о том, что мне ненавистно все напоминающее мужчину, дон Педро до корней волос вспыхивает при подобных толках, усматривая в них прямое оскорбление своей и моей скромности.

---

³ Так называлось сформированное из добровольцев ополчение для обороны Кадиса от французов.

⁴ Корпус испанского генерала Альбукерке, преследуемый французскими войсками, с большими потерями добрался из Эстремадуры в Кадис и принял участие в его обороне.

– Да и не годится шестидесятилетний дон Педро в мужа такой молодой и свежей женщине, как вы, мой друг, – сказала, смеясь, Амаранта. – А раз уж мы заговорили об этом, не сочтите мой совет навязчивым или нескромным, но, право, вам следовало бы поторопиться с замужеством, дабы не угас прекрасный род Гутьерреса де Сисньегу. При этом надо выбирать мужа подходящего, другими словами, не такую старую худую клячу, как дон Педро, а нежного юнца, способного внести в дом радость, ну, к примеру, нашего Габриэля, который нас слушает и несомненно будет счастлив взвалить себе на плечи столь сладостное бремя.

Уплетая завтрак и прислушиваясь к остроумному разговору двух дам, я соглашался решительно со всеми доводами Амаранты, но донья Флора, угощавшая меня с отменной учтивостью, воскликнула, негодуя:

– Господи Иисусе, ну чему вы, друг мой, учите этого бедного ребенка, который, по счастью, не понимает ничего, кроме команды построиться по четыре в ряд? Зачем кружите ему голову?.. Габриэль, не слушай. И не вздумай по наущению милой плутовки графини свернуть с пути истинного, а то, пожалуй, вдруг начнешь рассыпаться в комплиментах, вздыхать и заливаться слезами. Дети – в школу. Чего только не выдумает эта Амаранта! Дорогая моя, да разве мальчик железный! Его счастье, что он встретил женщину с добрым сердцем, одинаково умеющую как укрощать безрассудные порывы юности, так и побеждать козни врага. Запасись терпением, Габриэль, не торопись, спокойно жди своей судьбы, уготованной тебе Богом. Да, жди, но без жарких, восторженных чувств и юношеского сумасбродства. Помни, ничто так не украшает благородного и деликатного юношу, как осторожность. И наконец, учись у дон Педро дель Конгосто, учись у него. Бери пример с его почтительности, с его суровости, с его твердости, с его неизменного платонического бесстрастия. Учись у него обуздывать свои порывы, нарочитой учтивостью выражений охлаждать пылкость мыслей, гасить любовный огонь, держать в узде свои руки, язык и сердце, готовое вырваться из груди.

Мы с Амарантой едва подавляли желание расхохотаться. Тут в коридоре послышались шаги, и горничная, войдя, доложила о приходе кабальеро.

– Это англичанин, – сказала Амаранта. – Поспешите принять его.

– Иду, иду, друг мой. Посмотрим, не удастся ли мне выпытать у него то, что вам хотелось бы узнать.

Мы с графиней остались вдвоем и смогли не спеша, спокойно, без свидетелей поговорить, в чем читатель убедится, если у него хватит на то терпения.

II

– Габриэль, – сказала мне графиня, – я вызвала тебя, желая сообщить, что вчера на небольшом судне прибыл из Картахены в Кадис наш несравненный дон Диего, граф де Румблар, сын моей родственницы, величественной и монументальной сеньоры доньи Марии.

– Я не сомневался, – ответил я, – что этот повеса вскоре появится в Кадисе. Не прихватил ли он с собой какого-нибудь молодчика из Вистильяс⁵ или завсегдадая сборищ у сеньора Ману де Мортеро?⁶

– Не знаю, приехал ли он один или со своими дружками. Но мне известно, что мать весьма обрадовалась неожиданному появлению сынка, а тетушка, то ли желая уязвить меня, то ли и в самом деле обнаружив перемену в характере племянника, заявила вчера в присутствии всей семьи: «Если молодой граф станет вести себя, как подобает серьезному человеку, он заслужит наше расположение и получит право на высшую награду, какую только смогут предложить ему две семьи, желающие соединиться».

---

⁵ Район Мадрида, где обретались преступники и воры.

⁶ Персонаж романа Гальдоса «Наполеон в Чамартине».

– Сеньора графиня, на вашем месте я посмеялся бы и над доном Диего, и над злыми кознями всех престарелых маркиз с их дворянскими грамотами.

– Ах, Габриэль, это легко сказать, ведь ты ничего не знаешь! – воскликнула с огорчением графиня. – Поверишь ли, они делают все, чтобы отнять у меня любовь и привязанность дочери. Сперва они разлучили ее со мной, а несколько дней назад решительно запретили Инес бывать у меня и закрыли передо мной двери своего дома. Кончится тем, что моя дочь совсем отвыкнет от меня. Бедная девочка не виновата: она ведь не подозревает, что я ее мать, редко меня видит и, хочешь не хочешь, слушает их наговоры... Один Бог знает, на что они только не решатся, чтобы посеять в ее сердце ненависть ко мне. Скажи, разве это не самое тяжкое наказание, какое только можно себе представить? И разве я не вправе после этого умирать от ревности, самой худшей, мучительной и безнадежной ревности, которая рвет на части сердце женщины? Понимая, что они задумали отнять у меня дочь, лишить меня единственного утешения в жизни, я прихожу в такую ярость, что чувствую себя способной совершить поступок, недостойный моего положения и имени.

– Ваши невзгоды, – сказал я, – отнюдь не кажутся мне такими тяжелыми и непоправимыми, как вы это себе рисуете. Вы можете потребовать свою дочь и навсегда взять ее к себе.

– Это трудно, очень трудно. Разве ты не понимаешь, что по закону у меня нет никакого права вернуть ее в мой дом? Они объявили мне войну не на жизнь, а на смерть. Вообрази, они добиваются моего изгнания из Кадиса и не остановились даже перед тем, чтобы объявить меня сторонницей французов. Недавно, как ты знаешь, они пытались тайком от меня бежать в Португалию; мне удалось помешать этому, помнишь, я явилась к ним вечером вместе с тобой и пригрозила публично разоблачить их планы. Графиня де Румблар всей душой возненавидела меня, узнав, что я решительно возражаю против брака Инес с ее непутевым сыном. Моя тетка, помешанная на достоинстве дома и фамильной чести, доставляет мне еще больше огорчений, чем графиня, движимая злобой и алчностью. Живи я в Мадриде, где у меня большие связи и возможности, мне было бы нетрудно преодолеть все эти помехи. Но мы находимся в Кадисе, в осажденном городе, где у меня мало друзей, меж тем как моя тетка и графиня де Румблар с их показным патриотизмом пользуются здесь благосклонностью всех власть имущих. Представь себе, что им удастся добиться моего изгнания и, пользуясь моим отсутствием, они обманом насильно выдадут бедную девочку замуж. Вообрази на минуту, что это произойдет, и...

– О сеньора! – с жаром воскликнул я. – Этого не случится, пока живы вы и я. Поговорим с Инес, откроем ей то, что ей уже давно надлежит знать...

– Расскажи ей обо всем, если у тебя хватит смелости...

– Как, вы думаете, у меня не хватит смелости?

– Я должна коснуться еще одного вопроса, о котором ты ничего не знаешь, Габриэль. Это огорчит тебя, но тебе пора узнать правду... Ты полагаешь, что все еще имеешь над Инес ту власть, которую имел недавно и сохранял некоторое время после того, как ее положение резко изменилось?

– Простите, сеньора, но я не в силах поверить, будто потерял эту власть. Не взыщите за самоуверенность.

– Несчастный мальчик! – произнесла графиня с нежным сожалением. – Жизнь соткана из тысячи мучительных перемен, и тот, кто слепо верит в постоянство любезных его сердцу чувств, похож на мечтателя, принимающего тучи на горизонте за неподвижные горы. Миг – и луч света изменит их очертания, если только порыв ветра не разгонит их раньше. Два года назад моя дочь и ты были беспомощными, покинутыми детьми. Оторванность от мира и общие невзгоды укрепили вашу естественную склонность. Так родилась любовь. Потом все изменилось. Но к чему повторять то, что тебе давно известно? Когда жизнь Инес так счастливо преобразилась, она не забыла верного товарища своих черных дней. Это прекрасное чувство, и никто не способен оценить его больше меня. Я относилась к нему весьма терпимо и даже поощряла

его из желания уязвить гордость моей знатной родственницы. Но я знала, что разлука и время положат конец детскому увлечению, как это на самом деле и произошло.

Я был ошеломлен, слова графини рассеяли плотную пелену, за которой скрывалась истина. Впрочем, разум советовал мне не принимать на веру слова женщины, столь изощренной в обманах, и я выжидающе молчал, стараясь сделать вид, будто примирился с полученным ударом.

– Помнишь тот вечер, когда мы прибыли сюда из порта Санта-Мария? Здесь, в этой самой гостиной, нас встретила донья Флора. Мы вызвали Инес, она увидела тебя, ты говорил с ней. Бедняжка была так взволнована, что отвечала невпопад. Без сомнения, она сохраняет к тебе чистую и благородную привязанность сестры, но ничего больше. Неужто ты не понял, Габриэль, не заметил и не почувствовал, что Инес уже не любит тебя?

– Сеньора, – ответил я в смущении, – наша встреча была столь краткой, вы так настойчиво уговаривали меня покинуть дом, что я просто не успел заметить никакой перемены.

– Так вот, можешь мне поверить. Я знаю, что Инес больше тебя не любит, – проговорила она так убежденно, что в этот миг я возненавидел мою прекрасную собеседницу.

– Вы уверены в этом?

– Да.

– Возможно, вы ошибаетесь.

– Нет, Инес тебя больше не любит.

– Почему? – порывисто и резко спросил я.

– Да потому, что она любит другого, – услышал я спокойный ответ.

– Другого?! – воскликнул я, настолько потрясенный, что долгое время даже не мог отдать себе отчет в своих переживаниях. – Другого? Этого не может быть, графиня. Кто он? Я хочу знать.

Я говорил, а сердце мое сжималось от невыносимой боли, казалось, в него впился клубок ядовитых змей, терзая и разрывая его на части. Я пытался сохранить видимое спокойствие, но невнятная речь и прерывистое дыхание слишком ясно давали понять, что я уязвлен, пал духом и утратил самообладание.

– Ты хочешь знать? Ну что же, могу сказать. Это один англичанин.

– Тот самый? – спросил я, вздрогнув и указав на дверь в гостиную, из которой доносились голоса доньи Флоры и ее гостя.

– Тот самый.

– Сеньора, этого не может быть, вы ошибаетесь! – крикнул я, не в силах сдержать гнева, вспыхнувшего пламенем наперекор всем доводам рассудка и требованиям вежливости. – Вы насмехаетесь надо мной, вы унижаете и топчете мою гордость, как делали это всегда!

– Какой взрыв ярости! – воскликнула она, смеясь. – Успокойся, не безумствуй.

– Простите, если оскорбил вас резким словом, – проговорил я, опомнившись, – но я не могу поверить сказанному. Все, чем я живу, восстает против такой мысли. Я поверю лишь в том случае, если услышу подтверждение из уст Инес. Иначе – нет. Пусть я слепой глупец, сеньора, но мне ненавистен луч света, которым вы пытаетесь осветить страшную бездну, разверзшуюся у моих ног. И, наконец, вы еще не сказали мне, кто он, этот англичанин, на чем основано предположение...

– Этот англичанин появился здесь полгода назад, вместе со своим другом лордом Байроном, который недавно уехал на Восток. Имя того, что остался здесь, лорд Грей. Ты хочешь знать, на чем основано мое предположение, что Инес его любит? Об этом говорит тысяча признаков, они меня не обманывают, да и не могут обмануть женщину с моим опытом. Ты удивлен? Наивный мальчик, ты вообразил, что в мире все создано тебе на радость. Как раз наоборот, дитя мое. Почему ты считаешь, что Инес будет любить тебя всю жизнь наперекор вашей разлуке, которая в этом возрасте равносильна забвению? Не слишком ли многого ты захотел?

Нечего сказать, скромные требования! Год за годом Инес будет верна своей любви, вечно... Как бы не так! Привыкни к мысли, что в мире, кроме тебя, существуют и другие мужчины, а у молодых девушек имеются глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать.

Слова графини, заключающие в себе глубокую истину, наносили мне один смертельный удар за другим. У меня было такое чувство, будто графиня острыми ножницами кромсает мою душу, чтобы потом развеять ее по ветру.

– Ну так вот. Время шло, – продолжала она. – В Кадисе появился англичанин и нанес нам визит. Теперь он часто посещает другой дом, в котором любим... Тебе это кажется невозможным, невероятным. Но это самое обычное явление в жизни. Ты, может, думаешь, что англичанин – человек неприятный, грубый, резкий, с красным лицом, прямой как палка – словом, один из тех пьяниц, которых ты видал в детстве на площади Сан-Хуан-де-Дьос? Ничего подобного, лорд Грей человек утонченный, широкообразованный, с прекрасной внешностью. Он принадлежит к одному из лучших семейств Англии и богат, как перуанец...⁷ Вот... А ты полагал, что подобными достоинствами обладает лишь сеньор дон Габриэль Ломаный Грош! Какое заблуждение! Но слушай дальше. Лорд Грей пленяет всех девушек своей приятной беседой. Вообрази, он так молод, а уже успел объездить всю Азию и часть Америки. Его познания огромны, рассказы о виденном и пережитом волнуют и захватывают слушателей. Кроме того, он обладает редкой отвагой. Он испытал тысячу опасностей в борьбе с природой и людьми и повествует о них со столь пылким красноречием и поразительной скромностью, стараясь преуменьшить свои заслуги и умолчать о подвигах, что, слушая его, невозможно удержаться от слез. У него есть книга с изображением ландшафтов, зданий, развалин, одежды и различных типов людей – все это он зарисовал в далеких краях; на свободных страницах изложены стихами и прозой тысяча прекрасных мыслей, суждений и описаний, исполненных высокой, красочной поэтичности. Понимаешь теперь, что такой человек может без труда внушить к себе любовь? Он входит в гостиную, девушки окружают его, и он принимается так искренне, так живо рассказывать о своих странствиях, что мы словно воочию видим перед собой высокие горы, полноводные реки, огромные азиатские деревья, леса, где путника на каждом шагу подстерегают опасности, мы видим отважного европейца, который вступает в борьбу с разъяренным львом или сражается с коварным тигром. Перед нами бушуют бури в Китайском море, ветер гонит и кружит корабль, словно щепку, и мы видим, как путник спасается от смерти лишь благодаря своей силе и ловкости. Перед нашими глазами расстилаются пустыни Египта с его светлыми, точно день, ночами, с пирамидами, рухнувшими храмами, с Нилом и бедными арабами, которые влачат жалкую жизнь на бесплодных просторах. Потом он говорит нам о несравненной Венеции, о городе, построенном на море, где вместо улиц каналы, а по каналам скользят гондолы – так называются в Венеции лодки, по вечерам в них катаются влюбленные пары – одни среди безмолвия спокойной лагуны. Он странствовал по Америке, где кроткие дикари ласково встречают путника; там реки водопадами низвергаются с высоких скал, взметая облака пены с таким ревом и грохотом, что кажется, будто половина океана обрушилась с высоты на другую половину, и гул разносится далеко вокруг. Все его рассказы горят такими живыми, трепетными красками, что картины встают перед нами одна за другой. О своих героических подвигах он говорит с предельной простотой, никогда не задевая самолюбия мужчин, которые слушают его с неменьшим вниманием, чем женщины, и почти с таким же удовольствием. Так вот, мой бедный Габриэль, ты теперь, надеюсь, понял, что обаятельному лорду Грею было нетрудно пленить пылкое воображение впечатлительной девушки, которая невольно обратила свой взор на того, кто так выделяется из толпы самовлюбленной посредственности. И наконец, лорд Грей сказочно богат. Конечно, деньги не могут заменить природных достоинств, но, если мужчина этими достоинствами обладает, каким великолепным фоном служит для них богатство. Лорд

⁷ То есть как испанский конкистадор, разбогатевший в Перу.

Грей прекрасно одевается, живет с размахом, умеет достойно принять своих друзей, но при этом его щедрость отнюдь не похожа на расточительство молодого вертопраха – человек из богатой, родовитой семьи, он привык к роскоши и любит тратить деньги на благо и удовольствие всех, кто его окружает. Он галантен без аффектации и скорее серьезен, чем весел. Ты теперь понял, бедняжка? Сообразил, что на свете может найтись человек, вполне способный поспорить с сеньором доном Габриэлем Ломаный Грош? Поразмысли, мальчик, хорошенько поразмысли, кто ты такой. Славный юноша, и только. Прекрасное сердце, природный ум – не спорю, ну а дальше что? Положение – начинающий офицер... Правда, ты успел отличиться, так что из этого? Недурная внешность... в разговоре ты талантами не блещешь, происхождение весьма скромное, хотя, возможно, ты считаешь себя отпрыском знатной семьи. Отвага – не отрицаю, даже больше; смелостью ты обладаешь в избытке, но блеснуть ею не умеешь. Начитанность скудная... манеры хорошие... Да, друг мой, несмотря на все твои немалые достоинства, ты беден, живешь скромно, так неужто ты претендуешь быть незаменимым, как наш бедняга Карл Четвертый⁸, унаследовавший корону от своего отца? Нет, Габриэль, лучше успокойся и смирись.

Беспощадная отповедь произвела на меня ошеломляющее впечатление. Я был так подавлен, словно Амаранта обрушила на меня Муласен, эту высочайшую гору Испании.

Вот, сеньоры, именно так я чувствовал себя в эту минуту.

III

Что мог я возразить? Ничего. Что мне следовало делать? Молча страдать. Но человек, придавленный горой, редко смиряется со своей участью, и даже в том случае, если катастрофа представляется справедливой и заслуженной карой, он все же поднимает слабеющие руки и пытается сбросить рухнувшую на него громаду. Не знаю, руководило ли мной благородное чувство собственного достоинства или помогло суетное ребяческое тщеславие, но я сумел притвориться, будто не только смирился с нанесенным мне ударом, но совершенно безразличен к нему.

– Сеньора, – твердо сказал я, – мне известно, что я ничего собой не представляю. Я давно все обдумал, и вы меня ничуть не удивили. В самом деле, было бы непростительной дерзостью, если бы такой бедняк, как я, которому не доводилось ни путешествовать по Индии, ни созерцать иные водопады, кроме водопадов на реке Тахо в Аранхуэсе, посмел претендовать на любовь девушки с блестящим положением в свете. Человеку, лишенному знатности и богатства, не остается ничего другого, как предложить свое сердце поломойке или служанке, к тому же без достаточной уверенности, что они удостоят принять его. Вот почему мы смиряем свою гордость, сеньора, и, получив удар вроде того, что вы соизволили мне нанести, пожимаем плечами и говорим себе: «Терпение». И продолжаем жить, есть и спать... Было бы глупо умереть ради той, которая так быстро нас забыла.

– Ты расвирипел, но пытаешься притвориться спокойным, – сказала мне с насмешкой графиня. – Если ты пылаешь от гнева, на, возьми мой веер, он охладит тебя.

И прежде чем я успел протянуть руку, графиня стремительным движением помахала веером перед моим лицом. Я рассмеялся, хотя мне было не до смеха, а она, помолчав, сказала:

– Я должна добавить еще два слова, едва ли они придутся тебе по вкусу, но запасись терпением. Я рада, что моя дочь отвечает на любовь англичанина.

– Само собой разумеется, сеньора, – ответил я, стиснув челюсти с такой яростью, словно мне в рот попала чудом вся Великобритания.

---

⁸ Карл IV, король Испании в 1788–1808 гг., отрекся от престола в пользу своего сына Фердинанда VII, а затем в пользу Наполеона.

– Да, – продолжала она, – я приветствую все, что дает мне надежду увидеть мою дочь свободной от деспотической опеки маркизы и графини.

– Но англичанин, по всей вероятности, протестант.

– Над этим я не желаю задумываться, – отрезала графиня. – Возможно, он примет католичество. Но знай, меня ничто не остановит. Лишь бы моя дочь обрела свободу и я могла бы с ней видаться и говорить, как и когда желаю, а все остальное... Воображаю ярость доньи Марии, когда она поймет... Все должно остаться в тайне, Габриэль, я рассчитываю на твою скромность. Будь лорд Грей католиком, моя тетка едва ли воспротивилась бы его браку с Инес. Потом мы отправились бы втроем в Англию, далеко-далеко отсюда, в страну, где нет никого из моих родственников. Какое это было бы счастье! Ах, отчего я не папа римский, уж я бы разрешила девушкам-католичкам выходить замуж за еретиков.

– Надеюсь, ваше желание исполнится.

– О, я далеко не уверена в этом. Несмотря на свои огромные достоинства, англичанин ведет себя довольно странно. Он решительно никому не доверяет своих сердечных тайн, мы только догадываемся о них по некоторым признакам, а потом они подтверждаются неопровержимыми доказательствами – результат нашего долгого и осторожного наблюдения.

– Инес, наверное, открыла вам свою тайну.

– Нет, ведь я совсем не вижу ее. Это ужасно. По распоряжению доньи Марии три девушки уже давно не выходят из дому без охраны. Мы с доньей Флорой прилагаем неслыханные усилия, пытаюсь заслужить доверие лорда Грея и выведать его тайну; но он молчит и бережет ее, как скряга свое сокровище. Кое о чем мы знаем через служанок или из суждений немногих лиц, входивших в дом. Без сомнения, все это правда, друг мой. Смирись, не огорчай нас и не вздумай кончать самоубийством.

– Самоубийством? – переспросил я равнодушным тоном.

– Успокойся, успокойся, ты весь горюшь, – твердила Амаранта, обмахивая меня веером. – Дон Родриго у подножия виселицы не держался с такой гордостью⁹, как этот недозревший генерал.

Тут я услышал голос доньи Флоры и мужские шаги. Донья Флора говорила:

– Входите, милорд, графиня ждет вас.

– Посмотри... увидишь, – сказала мне беспощадная Амаранта, – и сможешь сам судить, что у девушки неплохой вкус.

Вошла Флора, за нею англичанин. В жизни не случалось мне видеть такого красавца. Он был высокого роста, с удивительно белой, несмотря на загар, кожей, как это часто бывает у моряков и путешественников с Севера. Белокурые волосы по моде того времени небрежными локонами в беспорядке ниспадали на шею. По виду ему было не более тридцати – тридцати трех лет. Он выглядел серьезным и грустным, но держался просто, без нарочитой напыщенности, столь свойственной англичанам. Золотистый загар покрывал его лицо от середины лба до шеи, но горло и лоб выше линии шляпы хранили ослепительную белизну нежного воска. Тщательно выбритый подбородок был такой округлый, как бывает только у женщин; освещенный полуденным солнцем, англичанин походил на отлитую из золота статую. Однажды мне случилось видеть изображение бога Браммы, и вот теперь, много лет спустя, я, глядя на лорда Грея, вспомнил о нем.

Англичанин был одет элегантно, с некоторой едва заметной небрежностью; пальто наполовину скрывало его синий тонкого сукна костюм, в руках он держал круглую шляпу – такой фасон только начинал тогда входить в моду. На нем сверкали драгоценности – в те времена мужчины чаще, чем ныне, носили кольца; часы его были украшены брелоками. В общем, он обладал привлекательной внешностью. Я смотрел на него и с жадностью искал хоть какие-

⁹ Имеется в виду маркиз Родриго Кальдерон, казненный в 1621 г.

нибудь недостатки, но – увы! – не нашел ни одного. Меня глубоко огорчила его на редкость правильная испанская речь – ведь я ожидал, что он заговорит на смешном, ломаном языке; тщетно я утешал себя мыслью, что вот-вот услышу от него какие-нибудь глупости, но он не произнес ни одной.

Вступив в разговор с Амарантой, англичанин старался обойти молчанием тему, которую пыталась навязать ему, войдя в гостиную, донья Флора.

– Дорогой друг, – сказала она, – лорд Грей расскажет нам о своих любовных делах в Кадисе, это еще интереснее, чем повествования о путешествиях по Азии и Африке.

Амаранта торжественно представила меня гостю как выдающегося военного, второго Юлия Цезаря по стратегическим талантам и двойника самого Сида¹⁰ по храбрости; она добавила, что я сделал блестящую военную карьеру и при обороне Сарагосы¹¹ удивил своими героическими подвигами как испанцев, так и французов. Иностранец с видимым удовольствием выслушал похвалы Амаранты, задал мне ряд вопросов по поводу войны и в заключение выразил желание стать моим другом. Его изысканная учтивость привела меня в ярость, но волею-неволей мне приходилось отвечать ему тем же. Зловредная Амаранта исподтишка смеялась над трудным положением, в которое я попал, и нарочитыми восхвалениями старалась еще сильнее раздуть внезапную симпатию и интерес англичанина к моей особе.

– Нынче в Кадисе отношения между испанцами и англичанами весьма обострились, – сказал лорд Грей.

– А я и не подозревала этого! – воскликнула Амаранта. – Так вот к чему привел наш союз.

– Это пройдет, сеньора. Мы несколько грубоваты, а испанцы чуть-чуть хвастливы и слишком уверены в своих силах, впрочем, почти всегда с полным основанием.

– Французы подходят к воротам Кадиса, – сказала донья Флора, – а нам, оказывается, не хватает людей для защиты города.

– Похоже на то. Вот почему Уэлсли¹² обратился к хунте за разрешением, – добавил англичанин, – высадить с наших кораблей моряков для обороны укреплений.

– Вот и отлично, пусть высаживаются, – заявила Амаранта. – Ты согласен со мной, Габриэль?

– К сожалению, из этого ничего не вышло, – сказал лорд Грей, – испанские власти отказались от нашей помощи. Всякий, кто разбирается в военных делах, согласится со мной, что англичане должны высадиться на берег. Я уверен, что присутствующий здесь сеньор офицер держится такого же мнения.

– О нет, милорд, я держусь совсем иного мнения, – с жаром возразил я, страстно желая, чтобы наше разногласие послужило помехой к дружбе, которую мне пытался навязать ненавистный британец. – Полагаю, что испанские власти правы, не соглашаясь на высадку англичан. Гарнизон Кадиса достаточно силен, чтобы справиться с обороной города.

– Вы думаете?

– Да, думаю, – ответил я, пытаясь несколько смягчить невольную резкость тона. – Мы благодарим союзников за помощь, но дело в том, что они нам оказывают ее скорее из ненависти к общему врагу, чем из сердечного расположения к нашей стране. Мы вместе воюем, но если на поле боя этот союз необходим, ибо у нас не хватает регулярных войск против армии Наполеона, то для защиты крепостей, как известно, мы в помощи не нуждаемся. Кроме того, такая крепость, как Кадис, является крупным торговым городом, и его ворота ни в коем слу-

---

¹⁰ Сид (по-арабски «начальник») – прозвище Родриго Руи Диаса де Бивара (1030–1099), полуисторического, полупоэтического персонажа, совершившего, как гласит легенда, удивительные военные подвиги.

¹¹ Имеется в виду героическая оборона Сарагосы от осаждавших ее французов в 1808–1809 гг. Участие Габриэля Арасели в обороне описано Гальдосом в романе «Сарагоса».

¹² Речь идет о лорде Артуре Уэлсли (1769–1852), английском полковнике. В 1809 г. после битвы при Талавере Уэлсли получил титул герцога Веллингтона.

чае нельзя открыть перед союзником, каким бы честным он ни был. Как знать, не придется ли наш город слишком по вкусу вашим соотечественникам с их торговыми наклонностями – ведь Кадис все равно что корабль, стоящий перед материком на якоре. Гибралтар нас, верно, слышит и может подтвердить мои слова.

Говоря это, я не сводил глаз с англичанина в надежде, что мои неуважительные суждения вызовут у него взрыв ярости. Но, к моему великому удивлению, вместо гневной вспышки я увидел на его лице благожелательную улыбку, выразившую полное согласие с моим мнением.

– Кабальеро, – сказал он, беря меня за руку, – не обессудьте за настойчивость и разрешите еще раз выразить желание стать вашим другом.

Сеньоры, я был ошеломлен.

– Но, милорд, вы как будто ненавидите ваших соотечественников? – спросила донья Флора.

– Сеньора, – сказал лорд Грей, – к сожалению, если иной раз мои природные свойства совпадают с характером моих земляков, то все же в большинстве случаев я отличаюсь от англичан не менее, чем турок от норвежца. Я ненавижу торговлю, ненавижу Лондон, этот мерзкий прилавок, где торгуют товарами со всего мира. Когда я слышу, что наши высокие учреждения, чиновники в колониях и весь великий флот старой Англии преследуют лишь одну цель – оказать поддержку торговле и покровительствовать алчным негодяям, которые моют свои головы, круглые, как сыры, в грязной воде из Темзы, я испытываю нестерпимое отвращение и стыжусь, что я англичанин. Мои соотечественники себялюбивы, черствы, твердолобы, расчетливы и чужды поэзии. Их холодный ум лишен воображения, они как мрачная пропасть, недоступная солнечному лучу, и никогда ни одна нежная мелодия не найдет в них отклика. Они не признают ничего, кроме голого расчета; человека, заговорившего с ними о чем-либо другом, кроме цены на пеньку, они называют непутевым бездельником и врагом процветания родной страны. Они любят хвастаться своей свободой, но их ничуть не беспокоит рабство миллионов в колониях. Они желают, чтобы английский флаг развевался во всех морях, и требуют к нему уважения. Но в их толковании национальное достоинство означает превосходство лучших в мире английских скобяных изделий. Когда Англия снаряжает карательную экспедицию и грозит отомстить за оскорбление, нанесенное британскому льву, она в действительности желает наказать азиатские или африканские племена за то, что они покупают слишком мало нашего ситца.

– Иисус, Мария и святой Иосиф! – в ужасе воскликнула донья Флора. – Мне невыносимо слушать, что такой высокоодаренный человек, как вы, милорд, дурно отзываясь о своих соотечественниках.

– Я всегда высказываю это мнение, сеньора, – продолжал лорд Грей, – и неустанно твержу его моим землякам. Но я молчу, когда они изображают из себя доблестных воинов и поднимают знамя с изображением лесного кота, которого они называют леопардом. Здесь, в Испании, я пришел в изумление, узнав, что мои земляки одерживают победы на поле боя. Когда лондонские купцы и мелкие торговцы прочтут в газетах, что англичане сражаются и выигрывают битвы, они надуются от гордости и вообразят себя властителями не только моря, но и суши; сняв мерку с планеты, они сошьют ей ситцевый чепец, который целиком накроет ее. Да, сеньоры, таковы мои земляки. Едва кабальеро упомянул Гибралтар, предательски захваченный нами¹³ и превращенный в склад контрабандных товаров, как меня осенили эти мысли, и в заключение я хочу изменить свое первоначальное мнение о высадке англичан в Кадисе. Сеньор офицер, присоединяюсь к вам: английским морякам следует остаться на своих кораблях.

– Рад, что ваши суждения совпали в конце концов с моими, милорд, – сказал я, полагая, что мне представляется случай вступить в схватку с ненавистным мне человеком. – Это верно,

---

¹³ Англичане захватили полуостров Гибралтар в 1704 г. во время так называемой войны за испанское наследство.

что англичане – расчетливые торговцы и прозаичные себялюбцы. Но мне странно слышать, как человек, рожденный английской матерью на английской земле, беззастенчиво хулит свой родной край. Допускаю, что в минуту заблуждения или ожесточенности человек может изменить родине; но даже продав свою страну из какого-то расчета, он не посмеет чернить ее в присутствии чужестранцев. Хорошему сыну следует скрывать пороки своих родителей.

– Но поймите, – сказал англичанин, – я скорее готов признать своим соотечественником любого испанца, итальянца, грека или француза, если он разделяет мои чувства и симпатии, чем жесткого, сухого англичанина, который глух ко всему, кроме звона от ударов золота о серебро и серебра о медь. Пускай этот человек говорит на моем родном языке, что из того? Ведь мы с ним никогда не договоримся и не пойдем друг друга. Пускай мы оба родились на одной земле и даже на одной улице, что из того? Ведь нас разделяет пропасть, и мы более далеки друг от друга, чем Северный полюс от Южного.

– Родина, сеньор англичанин, наша общая мать, которая любовно растит своего сына-калеку наравне с красавцем-крепышом. Только неблагодарный человек может забыть свою родину, ну а поносить ее публично – на это способен лишь тот, кому свойственны чувства еще более низкие, чем неблагодарность.

– И этими чувствами, более низкими, чем неблагодарность, обладаю, очевидно, я, – сказал англичанин.

– Я предпочел бы вырвать себе язык, чем осуждать при иностранце моих соотечественников! – с жаром подтвердил я, готовясь каждую минуту к яростной вспышке со стороны лорда Грея.

Но тот, словно выслушав самый лестный отзыв о своей особе, сказал мне серьезно и невозмутимо:

– Кабальеро, ваш нрав и ваша горячая, искренняя манера спорить и выражать свое мнение до такой степени пришлись мне по душе, что я испытываю к вам уже не просто склонность, но самую глубокую симпатию.

Амаранта и донья Флора были поражены этими словами не меньше моего.

– Я не привык сносить чьи-либо насмешки, милорд, – сказал я, полагая, что он издевается надо мной.

– Кабальеро, – холодно произнес англичанин, – я не замедлю дать вам доказательство того, что необычайное сходство наших характеров вызвало во мне горячее желание установить с вами искреннюю дружбу. Выслушайте меня. Больше всего в моей жизни я страдаю от подбострастного одобрения всех моих поступков. Не знаю, вызвано ли такое потворство моим положением или моим богатством. Но где бы я ни появился, окружающие приводят меня в бешенство своей льстивой угодливостью. Стоит мне произнести какое-либо суждение, как все окружающие уверяют, будто держатся точь-в-точь того же мнения. Я же люблю противоречия и споры. Я отправился в Испанию в надежде найти в ней задир, грубых, простоватых забияк с пылким воображением и мятущимся сердцем, словом, людей, незнакомых с лоском и лицемерной вежливостью. К моему крайнему удивлению, я столкнулся здесь с таким назойливым вниманием, словно не покидал Лондона; я не встретил преград моим желаниям и прихотям; жизнь для меня потекла здесь однообразно и уныло, не было ни жестоких переживаний, ни яростных схваток с людьми или обстоятельствами, меня ласкали, мне угождали, мне льстили... Друг мой, больше всего на свете я ненавижу лесть. Тот, кто мне льстит, становится моим непримиримым врагом. Я рад увидеть подле себя надменного человека, который не склоняется с трусливой улыбкой перед каждым моим словом. Мне нравится видеть, как вскипает кровь того, кто в своей запальчивости не желает подчиняться мнениям другого. Меня покоряет человек смелый, непреклонный, независимый – вот почему я с таким упоением слежу за событиями в Испании. Я собираюсь вскоре поехать в глубь страны, присоединиться к партизанам. Генералы, не знающие грамоты, вчерашние погонщики, трактирщики и батраки вызывают во мне

безграничное восхищение. Я побывал в военных академиях и возненавидел педантов, которые низвели мужественное, варварское искусство войны до уровня нелепых правил и украшают себя перьями и разноцветными мундирами, чтобы скрыть свое ничтожество. Случалось ли вам воевать под началом какого-нибудь партизана? Знаете ли вы Эль Эмпесинадо¹⁴, Мину¹⁵, Табуэнку¹⁶, Порльера?¹⁷ Как они выглядят? Как одеты? Я вижу в них героев Афин и Лациума¹⁸. Друг мой, если не ошибаюсь, сеньора графиня сказала, что своим быстрым продвижением по служебной лестнице вы обязаны лишь собственным достоинствам, что вы сами, без чьей-либо помощи завоевали себе почетное место в армии. О, кабальеро, вы возбуждаете во мне горячий интерес, хотите или не хотите, а вы будете моим другом. Я преклоняюсь перед людьми, которые, не получив никаких благ по наследству, один на один сражаются против жизненных бурь. Мы станем друзьями. Вы служите в гарнизоне на острове? Так останавливайтесь в моем доме всякий раз, что вам случается бывать в Кадисе. А где вы постоянно живете, чтобы я мог ежедневно навещать вас?..

Не решаясь начисто отвергнуть столь пылкие доказательства дружелюбия, я отвечал лорду Грею по возможности уклончиво.

– Сегодня, кабальеро, – продолжал англичанин, – вы непременно должны со мной пообедать. Не принимаю никаких отказов. Сеньора графиня, вы мне представили кабальеро. Если он пренебрежет моим приглашением, считайте, что мне нанесено оскорбление.

– Думаю, – сказала графиня, – что вскоре ваша дружба доставит вам обоим много радости.

– Милорд, я к вашим услугам, – сказал я, поднимаясь, когда он собрался уходить.

Распрощавшись с дамами, мы вышли вместе. Мне казалось, что сам демон уводит меня из этого дома.

IV

Лорд Грей жил неподалеку от Баркильяс-де-Лопе. Значительная часть его дома, слишком обширного для одного человека, пустовала. Все слуги в доме были испанцы, за исключением камердинера-англичанина.

Обед был сервирован по-княжески, бокалы наполнялись снова и снова живительным соком с виноградников Монтильи, Хереса и Санлукара.

За обедом мы не говорили ни о чем другом, кроме войны, а потом, когда великолепные вина Андалузии достаточно затуманили голову знатного англичанина, он загорелся желанием во что бы то ни стало дать мне урок фехтования. По первым же ударам можно было судить, что он мастерски владеет шпагой, а я к тому времени еще не успел постичь все тонкости этого искусства. Между тем лорд Грей, воспитанный, как видно, в принципах трезвости, потерял под влиянием выпитого вина свойственные ему самообладание и равновесие и наносил мне удары более чувствительные, чем это принято при обычной тренировке.

– Прошу вас, милорд, умерьте ваш пыл, – сказал я, пытаясь сдержать его напор. – Вы уж несколько раз обезоружили меня и радуетесь, как ребенок, что можете наносить мне такие

---

¹⁴ Речь идет о Хуане Мартине Диасе (1775–1825), прозванном Эль Эмпесинадо (Упорный). Он был одним из руководителей партизанского движения (герильи) во время войны за независимость. Получил звание генерала испанской армии.

¹⁵ Франсиско Хавьер Эспос-и-Мина (1784–1836) – генерал, один из самых бесстрашных руководителей партизанской войны, неутомимый борец за конституцию.

¹⁶ Активный участник партизанского движения.

¹⁷ Порльер Хуан (1788–1815) – один из вождей герильи. За выступление в защиту Кадисской конституции 1812 г. был казнен.

¹⁸ Лациум – область Центральной Италии, где расположен Рим.

удары, которые мне не удастся парировать. Наконечник слабоват, вы рискуете проткнуть меня насквозь.

– Только так и можно научиться, – возразил англичанин. – Либо вы никогда не постигнете этого искусства, либо станете великим мастером фехтования.

После того как мы всласть потешились, а густой туман, застилавший голову моего соперника, слегка рассеялся, я отправился на Остров, сопровождаемый лордом Греем, который желал побывать в нашем лагере. В дальнейшем он почти ежедневно навещал меня. Его дружелюбие меня раздражало, и чем сильнее я его ненавидел, тем больше внимания он мне оказывал, обезоруживая мой гнев. Мои резкие возражения, мое дурное настроение и упорство, с каким я его отталкивал, не только не вызывали в нем враждебности, но, напротив, еще больше укрепляли расположение, которое он проявлял ко мне с первого же дня. В конце концов – не могу отрицать – я почувствовал склонность к этому удивительному человеку, отождествлявшему для меня сразу два лица. Да, два лица: одно ненавистное, другое полюбившееся мне. Оба эти лица до такой степени слились воедино, что я вскоре не мог отличить, где начинался друг и где кончался соперник.

Он чрезвычайно охотно проводил дни в моем обществе и в обществе моих товарищей-офицеров. Во время военных операций он следовал за нами с ружьем, саблей и пистолетами, а в часы досуга мы вместе ходили в таверны Кортадуры или Матагорды, где он щедро угощал нас всем, что только возможно было раздобыть в этих заведениях. Частенько за лордом Греем из Кадиса следовали две-три повозки с изысканными яствами, доставленными английскими кораблями и каботажными судами из Кондадо-де-Ньеблас и Альхесираса. А однажды, когда у нас не было возможности покинуть траншеи у моста Суасо, лорд Грей с необычайной для того времени скоростью – она лишь много позднее вошла в наш обиход – доставил к нам трактирщика Поэнко со всеми его пожитками, плясуньями и гитаристами, устроив таким образом неожиданное празднество.

Через две недели подобных сюрпризов и щедрых угощений на Острове не осталось ни одного человека, который не знал бы лорда Грея, и так как мы в те времена состояли с Великобританией в отличных отношениях, кругом звенели песни:

Громче, трубы! Пойте славу,
Пойте славу Веллингтону...—

(именно эти слова), и наш англичанин прославился во всей округе, изрытой каналами и напоенной влагой Санти-Петри.

Здесь я должен отметить одно достойное внимания обстоятельство, а именно: все мои попытки проникнуть в его сердечные дела, которые меня так занимали, потерпели неудачу. Мы говорили о любви, однако стоило мне назвать дом и семью Инес, как он замолкал или менял тему. Между тем мне было известно, что он каждый вечер бывает у доньи Марии; но на все мои вопросы он неизменно отвечал гробовым молчанием. Лишь один раз он разрешил мельком заглянуть в свое сердце, и вот как это получилось.

Одно время я был так занят делами службы, что мне решительно не удавалось вырваться в Кадис; это рабство огорчало и тяготило меня. Я получал от графини записки с приглашением зайти и впадал в отчаяние из-за невозможности откликнуться на ее зов. Наконец в начале марта я добился увольнительной и поспешил в Кадис. Мы с лордом Греем пересекали Кортадуру в тот день, когда на море разыгралась буря, надолго оставшаяся в памяти жителей Кадиса. Гонимые восточным ветром, морские волны перехлестывали через узкий перешеек, чтобы слиться с волнами залива. Песчаные отмели исчезли, смытые бушующим прибоем, очертания узкой прибрежной полосы изменились до неузнаваемости; ураганный ветер подхватывал суда и как скорлупку уносил их на своих мощных крыльях. Десятка два торговых и несколько военных

кораблей – испанских и английских – разбились в тот день о западный берег. Когда буря утихла, берега близ Роты, Пунтильи и скалы, где возвышается замок святой Каталины, были усеяны трупами моряков и остатками разбитых в щепы судов.

Лорд Грей, созерцавший по дороге страшную картину разрушения, которая предстала перед нами на фоне мрачного неба, где клубились гонимые ветром черные тучи и ослепительно сверкали зловещие зигзаги молнии, на миг озаряя клокочущие мутно-зеленые морские валы, каскад стальной пены и остов разбитого корабля, который то погружался в пучину, то взмывал вверх на гребне волны, – лорд Грей, говорю я, наблюдавший сей хаос, не менее удивительный, чем гармония сотворенного Всевышним мира, с упоением вдыхал влажный, пропитанный солью воздух.

– Какое наслаждение доставляет моей душе подобное зрелище! – сказал он. – Созерцающая великое торжество природы, я ощущаю в себе сто жизней. О море, ты создано для бурь! Поглоти торговые суда, кощунственно бороздящие твои воды, закрой доступ в твои владения гнусному торгашу, алчущему золота и грабящему первобытные народы, которые в наш растленный век еще сохраняют наивную веру и воздвигают своим богам жертвенники в лесной чаще. Этот рев невидимых валов, которые подобно горным вершинам вздымаются на твоих просторах, сталкиваются и дробятся, как валуны, несомые бурным потоком; эти огненные языки, которые лижут небо и острыми стрелами вонзаются в море; этот клокочущий в отчаянии небосвод; это море, жаждущее покинуть извечное ложе, чтобы коснуться небесной тверди; этот буйный вихрь, эта гармония смятения, эта музыка и разлитый в природе торжествующий ритм, который будит отклик в наших сердцах, – все меня пленяет, приводит в трепетный восторг и призывает слиться воедино с хаосом...

«Уж не безумец ли он?» – мелькнуло у меня в голове при виде того, как лорд Грей выпрыгнул из коляски и устремился к морю. Вода уже покрывала его сапоги, когда я догнал его, охваченный тревогой, что этот одержимый, пожалуй, и в самом деле кинется в бурлящие волны.

– Милорд, – крикнул я, – вернитесь! Ну стоит ли вам сливаться с волнами или тучами, не лучше ли продолжать наш путь в Кадис, ведь воды нам с избытком хватает в виде ливня с неба, да и ветер всю дорогу хлещет нам прямо в лицо.

Но он, не обращая на меня внимания, стал что-то выкрикивать на своем родном языке.

Возница, смекалистый парень, знаками показал, что лорд Грей, видно, хлебнул лишнего. Но я знал, что он в тот день не выпил ни капли вина.

– Меня влечет море, – сказал он и стал раздеваться.

Мы с возницей так и вцепились в него; правда, англичанин был превосходный пловец, но в эту страшную бурю он и десяти минут не удержался бы на поверхности. В конце концов нам кое-как удалось отговорить его от безумной затеи, и мы вместе вернулись к экипажу.

– То-то порадовалась бы властительница ваших дум, милорд, случись ей увидеть, как вас обуревают желание при первых ударах грома покончить жизнь самоубийством, – сказал я.

Лорд Грей весело рассмеялся и, мгновенно приняв другой вид и тон, обратился к нашему кучеру:

– Погоняй лошадей, мне надо побыстрее быть в Кадисе.

– Да вот, Светильник не желает бежать.

– Какой светильник?

– Мой конь. У него мозоли на ногах. Но-о! Зато умеет и уважить.

– Как это?

– Сейчас расскажу. При встрече с ним Пелайтас приветствует его и спрашивает, как прошла поездка.

– Кто это Пелайтас?

– Скрипач в таверне Поэнко. Но-о! И вот попробуйте сейчас сказать моему коню: «Ты отдохнешь у Поэнко, а твой хозяин заправится маслинами и пропустит пару стаканчиков», – тут он так поскачет, что его ничем не остановишь, может и брешь пробить в стене Пуэрта-де-Тьерра.

Грей пообещал поднести вознице вина в таверне, и Светильник, едва услышав обещание, – хотите верьте, хотите нет – прибавил ходу.

– Теперь мы скоро будем на месте, – сказал англичанин. – Не понимаю, почему человек до сих пор не изобрел средства летать со скоростью ветра.

– В Кадисе вас дожидается красивая девушка. Может, даже не одна, а несколько.

– Одна-единственная. Остальные ничего не стоят. Сеньор де Арасели, ее душа необъятна, как это море. Никто не знает ее лучше, чем я, ведь с первого взгляда она кажется скромным цветком, затерянным в саду. Я открыл ее и отыскал в ней то, что не всякому дано понять. И вот для меня одного сверкают молнии ее глаз и бушует буря в ее груди... Она окружена чарующей тайной; ее сторожат, как пленницу в темнице, от этого моя любовь к ней еще пламеннее.

Если бы мой разум не властвовал над моими порывами, я бы схватил лорда Грея и кинул его в море... Вместо этого я задал ему тысячу вопросов и, пытаюсь вызвать на откровенность, перечислил десятки имен, но больше не услышал от него ни единого слова. Разрешив мне на миг заглянуть в свое озаренное счастьем сердце, он умолк, его уста сомкнулись, как могила.

– Вы счастливы? – спросил я наконец моего спутника.

– В это мгновение – да, – ответил он.

Я снова испытал неодолимое желание швырнуть его в море.

– Лорд Грей! – воскликнул я внезапно. – Давайте поплаваем.

– Как? Вы тоже?

– Да, со мной происходит то же самое, что недавно происходило с вами. Меня влечет к себе море. Давайте бросимся в его волны.

– Вы с ума сошли, – ответил он, смеясь и обнимая меня за плечи. – Нет, я не разрешу моему доброму другу так безрассудно погибнуть. Жизнь прекрасна, и тот, кто думает иначе, безумец. Вот мы и в Кадисе. Дядюшка Игадос, подлейте-ка масла в светильник, мы подъезжаем к таверне Поэнко.

Мы добрались до Кадиса в сумерки. Лорд Грей привез меня к себе, где мы переоделись и сели ужинать. Вечером мы собирались к донье Флоре, впереди еще было достаточно времени, и мой друг, хотел я этого или нет, решил снова дать мне урок фехтования. Так, шутя, незаметно совершенствовался я в этом искусстве, в котором еще недавно не проявлял особого мастерства; в этот вечер мне удалось доказать, что ученик достоин своего учителя, – я с такой силой и точностью нанес противнику прямой удар, что не будь на шпаге наконечника, я насквозь пронзил бы англичанина.

– О, друг мой Арасели! – воскликнул с изумлением лорд Грей. – Вы делаете замечательные успехи и превращаетесь в опасного соперника. А кроме того, вы нападаете с такой яростью...

В самом деле, я делал выпады с небывалым ожесточением, словно задался целью отправить на тот свет моего учителя.

V

Вечером мы отправились к донье Флоре. Но не успели мы дойти до ее дома, как лорд Грей вдруг распрощался, пообещав скоро вернуться. В ярко освещенной гостиной было довольно пусто – еще не все гости успели собраться. Расставленные в соседней комнате ломберные столы ожидали страстных игроков с их кошельками, а три-четыре огромных подноса с яствами в следующей зале обещали гостям приятное подкрепление сил к концу вечера. Дам было мало,

как и всегда на вечерах доньи Флоры, приглашавшей преимущественно мужчин и не более полудюжины почтенных красавиц прошлого века, подобных славным, но устаревшим крепостям, которые отнюдь не претендуют на то, чтобы их брали с бою. Амаранта была единственной представительницей молодости и красоты.

Я приветствовал графиню, когда ко мне подошла донья Флора и, незаметно ущипнув за локоть, сказала:

– Нечего сказать, хорошо вы себя ведете, юный кабальеро. Почти месяц не показывались в доме. Мне известно, что вы развлекались у моста Суасо с плясуньями, доставленными неделю назад трактирщиком Поэнко... Прекрасное поведение! Я изо всех сил стараюсь увести вас с пагубного пути, а вы проявляете все больше склонности следовать по нему... Конечно, все мы знаем, что юности свойственны увлечения, но добропорядочные мальчишки из хорошей семьи втихомолку предаются своим страстям и обществом серьезных и рассудительных особ дорожат больше, чем компанией девиц легкого поведения.

Графиня одобрила прочитанную мне нотацию и подкрепила ее язвительными остротами. Смягчившись, донья Флора повела меня во внутренние комнаты, чтобы угостить изысканными блюдами, предназначенными лишь для тесного круга друзей. Когда мы вернулись в гостиную, Амаранта сказала с грустью:

– С тех пор как донья Мария и маркиза запретили Инес посещать меня, мне кажется, будто на этих вечерах чего-то не хватает.

– Мы здесь отлично обойдемся без молодых девушек, а главное, без графини де Румблар, которая своим жеманством только портила всем настроение, – сказала донья Флора. – Никто не смел приблизиться к девушке, поговорить с ней, пригласить потанцевать или предложить ей мороженое. Оставим девушек. На моих вечерах я желаю видеть мужчин и только мужчин: поэтов, читающих свои стихи; щеголей, прекрасно осведомленных о парижских модах; журналистов, которые могут пересказать все, что напечатано за три месяца в газетах Антверпена, Лондона, Аугсбурга и Роттердама; генералов, от которых мы услышим о будущих битвах и победах; неунывающих депутатов, которые высмеют регентство, раскритикуют его политику и прочтут речи, заготовленные для открытия долгожданных кортесов¹⁹.

– Я не верю в открытие кортесов, – сказала Амаранта, – ведь кортесы не больше чем простая церемония, и король прибегает к ним лишь по давней традиции. Но раз нынче нет короля...

– Все равно, кортесы должны открыться. Нам обещали кортесы, пусть нам их дадут. Это будет замечательное зрелище, друг мой. Соберутся выдающиеся проповедники, и за день мы услышим не меньше восьми, а то и десяти проповедей на политические темы; все станут судить-рядить, это как раз в моем вкусе.

– Кортесы состоятся, – подтвердил я, – на Острове уже красят и подновляют театр для заседаний.

– Как, разве в театре? А я думала – в церкви, – сказала донья Флора.

– Дворянство и священнослужители соберутся в церкви, – заметила Амаранта, – а городские депутаты – в театре.

– Нет, сеньоры, у нас будет всего одно сословие. Сперва думали собрать три, но потом решили, что одно – проще.

– Наверное, одних дворян.

– Нет, дорогая моя, одних священнослужителей, так будет лучше.

– Просто-напросто одних депутатов, сюда-то и войдут все сословия.

---

¹⁹ 1 января 1810 г., перед своим самороспуском, Центральная хунта под давлением общественного мнения издала декрет о созыве кортесов. Их открытие было назначено на 1 марта в Кадисе. Однако сменивший Центральную хунту Регентский совет всячески оттягивал созыв кортесов.

– Вы говорите, что заново отделяют театр? Это замечательно.

– Да, сеньора. Фризы окрашены в желтый и ярко-красный цвет – совсем как в ярмарочном балагане... Словом, очаровательно.

– Вот почему сеньор дон Педро и попросил нас смастерить пятьдесят желтых и ярко-красных одеяний, скроенных на старинный испанский лад и обшитых серебряным галуном.

– Как бы дон Педро и прочие чудаки не превратили кортесы и их депутатов во всеобщее посмешище, – сказала Амаранта. – У нас найдется немало безумцев, способных решительно все превращать в буффонаду.

Начался съезд гостей. Приехал Кинтана. Следом за ним Бенья²⁰ и дон Пабло де Херика²¹.

Кинтана подошел к хозяйкам дома. Мне случалось видеть и слышать знаменитого поэта в Мадриде, на сборищах в книжных лавках, но я еще не имел удовольствия беседовать с ним. В ту пору он достиг большой славы и благодаря своим политическим статьям и воззваниям пользовался огромной популярностью среди пламенных патриотов. У него были резкие, грубоватые черты лица, темные волосы, живые глаза; мясистые губы и выпуклый лоб говорили о сильной воле и мужестве. Он редко смеялся, его движения, манера говорить, как и его произведения, были проникнуты суровостью. Может быть, эту суровость характера приписывали Кинтане читатели, успевшие познакомиться с его творчеством, так как к тому времени были напечатаны его главные оды, трагедии и некоторые «Жизнеописания». Наш Пиндар²², Тиртей²³ и Плутарх²⁴ гордился своей ролью, и эта гордость проявлялась в его обхождении. Пылкий либерал с заметной склонностью к идеям французского или женеvского философа²⁵, Кинтана был безраздельно предан Испании. Своим пером он принес делу свободы больше пользы, чем иные своей шпагой. И если бы идея свободы, которую он проповедовал со всей силой своего выдающегося мужественного таланта, если бы борьба за эту идею, говорю я, не перешла затем в другие руки и за нее не взялись другие – болтливые перья, судьба Испании оказалась бы нынче счастливее.

Более приятным обхождением, чем Кинтана с его напыщенностью и торжественной суровостью, отличался дон Франсиско Мартинес де ла Роса²⁶, который незадолго перед тем вернулся из Лондона и успел завоевать себе известность комедией «Что дает человеку чин», вызвавшей немало похвал в те простодушные времена. Никто – ни до этого, ни позднее – не был так приветлив, деликатен, чарующе учтив, любезен, никто не умел держаться так просто, без аффектации и слащавого жеманства, как Мартинес де ла Роса. Но я говорю здесь о человеке, которого все знают и чья долгая жизнь не испортила ни его характера, ни внешности. Каким вы видели Мартинеса де ла Роса примерно в 1857 году, таким он был и в молодости, конечно, если не говорить об ущербе, все же нанесенном временем. Его идеи претерпели некоторые изменения, зато неизменным остался характер, который, будучи цельным и положительным с юношеских лет, сохранил до старости присущую ему веселую приветливость.

Сам не знаю, почему мне захотелось уделить здесь столько внимания этому выдающемуся человеку, ведь его не было в числе гостей доньи Флоры в тот вечер, который я с такой радостью взялся описать. Зато были, как я уже упоминал, Херика и Бенья, поэты меньшего

²⁰ Бенья – малоизвестный испанский поэт, либерал.

²¹ Пабло де Херика (1781–1831) – поэт, горячий приверженец конституции и либеральных свобод.

²² Пиндар (521–441 до н. э.) – великий лирический поэт Древней Греции.

²³ Тиртей (VII в. до н. э.) – древнегреческий поэт, воспевавший военную доблесть спартанцев.

²⁴ Плутарх (ок. 45 – ок. 127) – древнегреческий историк, писатель и философ, автор жизнеописаний знаменитых людей Древней Греции и Рима.

²⁵ Речь идет о Жан-Жакe Руссо (1712–1778).

²⁶ Франсиско Мартинес де ла Роса (1787–1862) – видный испанский историк, драматург и политический деятель, либерал. Кадисская хунта в описываемое Гальдосом время направила его в Лондон для переговоров об оказании помощи испанским патриотам в борьбе с французским нашествием.

таланта и запомнившиеся мне лишь в общих чертах, очевидно потому, что их спорная слава и посредственный талант не привлекали в ту пору моего внимания. Кого я отчетливо помню, так это Арриасу²⁷, впрочем, отнюдь не потому, что льстивый тон его манерных стихов и колкость сатир пришлись мне как-то особенно по вкусу, но по той простой причине, что он то и дело повсюду попадался на глаза – в обществе, в кафе, в книжных лавках и на всякого рода собраниях. На вечер в доме доньи Флоры он пришел одним из последних.

После перечисленных гостей на пороге появился человек на вид лет пятидесяти, нескладный, сухопарый, высокий и прямой, точно шест. У него были черные, длинные, обвисшие, как у Дон Кихота, усы, тощие руки и ноги, волосы с проседью, орлиный нос на смуглом лице, а взгляд – то мягкий, то свирепый – менялся в зависимости от того, на кого он смотрел. Он держался с неуклюжей чопорностью. Но больше всего в этом странном человеке поражало его одеяние, пригодное скорее для карнавала; на нем были шаровары турецкого покроя, схваченные у колена, желтый колет, короткий ярко-красный плащ вроде тех, что носили в шестнадцатом или семнадцатом веке, высокие черные сапоги и шляпа с перьями, точь-в-точь как у альгвасила на арене во время боя быков; свисавшая с пояса длинная сабля, громохвая, волочилась по полу и создавала впечатление, будто ее обладатель шагает на трех ногах.

Читателю может показаться, что я рассказываю сказки; но откройте страницу истории, и вы найдете там красочное описание подвигов моего героя, которого я здесь называю доном Педро, чтобы не выставлять на посмешище, как он того заслуживает, носителя славного титула, украшавшего его достойных и разумных потомков. Он одевался именно так, как я это описал, да и не только он один питал в те времена пристрастие к старинной моде: я мог бы назвать здесь другого маркиза, кстати говоря, уроженца Хереса, и знаменитого Хименеса Гуасо²⁸, и шотландца по имени лорд Доуни – все они не отличались от моего дона Педро. Но, не желая наскучить читателю, представляя ему длинную вереницу подобных чудачков, я слил всех воедино и позволил себе собрать их характерные черты, дабы украсить ими лишь одного героя, бесспорно наиболее замечательного и выдающегося.

Появление дона Педро вызвало в гостиной взрыв хохота, но донья Флора немедля выступила на защиту своего друга:

– Не смейтесь, дон Педро прав, отдавая предпочтение старинному наряду. Ежели бы все испанцы, говорит он, взяли с него пример, то вслед за старинной одеждой вернулся бы старинный образ мыслей, а там и образ действий, нам ведь только это и нужно.

Отвесив глубокие поклоны, дон Педро занял место рядом с дамами, скорее обрадованный, чем уязвленный оказанным ему приемом.

– Насмешки сторонников Франции, – сказал он, косясь на гостей, которые не сводили с него глаз, – философов-безбожников, атеистов, франкмасонов и «демократистов», замаскированных врагов религии и короля, меня не трогают. Всяк волен одеваться по своему вкусу; ежели французскому покроя, вошедшему у нас с недавних пор в моду, я предпочел наш национальный, ежели я опоясался мечом, который носил Франсиско Писарро²⁹ в Перу, то это означает, что я желаю остаться верным сыном Испании и носить наряд, который был принят у испанцев, пока к нам не пожаловали французишки с их галстуками, париками, пудрой, рыбьими хвостами на камзолах и прочей дрянью, которая лишает мужчину присущей ему суровости. Вы вольны сколько угодно потешаться над моим костюмом, но не над моей особой, ибо всем известно, что я этого не потерплю.

---

²⁷ *Арриаса* Хуан (1770–1837) – испанский поэт-сатирик.

²⁸ *Хименес Гуасо* – малоизвестный испанский поэт.

²⁹ *Франсиско Писарро* (1470?–1541) – испанский конкистадор, завоевавший Перу.

– Он превосходен, ваш наряд, – сказала Амаранта, – превосходен, и только люди с дурным вкусом станут высмеивать его. Сеньоры, ну можно ли быть хорошим испанцем, если не носишь одежды старинного покроя?

– Но, сеньор маркиз (дон Педро был маркизом, я просто не хочу называть здесь его полный титул), – добродушно произнес Кинтана, – зачем вам, человеку серьезному и почтенному, выставлять себя на потеху уличным мальчишкам? Неужто доброму патриоту нельзя вместо маскарадного костюма носить камзол?

– Французские моды развратили нас, – возразил дон Педро, поглаживая усы, – вместе с модами, париками и румянами к нам пришли фальшь, лицемерие, бесчестность, неверие, непочтительное отношение к старшим, брань, угрозы, наглость и бесстыдство, дерзость, воровство и ложь, а к этим порокам присоединились лукавое мудрствование, безбожие, демократизм, и, наконец, в довершение всех бед выдумали верховную власть нации.

– Ежели все эти беды пришли к нам с париками и пудрой, – заметил Кинтана, – так не думаете ли вы, что, надев на себя чудной наряд, мы с ними справимся? Поверьте, беды останутся с нами, а сеньор маркиз будет только смешить людей.

– Но ежели все станут поступать, как вы, дон Маноло, и, борясь с французами, перенимать их нравы и обычаи, мы пропадем.

– Если обычаи изменились, значит, время пришло. Мы воюем и должны воевать против неприятельской армии, как бы могущественна она ни была, но зачем идти против обычаев, порожденных временем? Готов дать обе руки на отсечение, коли у вас найдется хоть четверо подражателей.

– Четверо? – надменно протянул дон Педро. – Четыре сотни вступили в отряд «Крестоносцев Кадисской епархии». Правда, нам еще не удалось снабдить всех крестоносцев надлежащей формой, но пятьдесят, а то и шестьдесят старинных одеяний у нас уже имеется, и все благодаря усердию почтенных дам, одна из которых сейчас слушает меня. Мы надеваем наш наряд, сеньоры, не затем, чтобы шататься по кафе, безобразничать на улицах и печатать листовки, разжигая народные страсти и призывая к ниспровержению священных законов, и не затем, чтобы, открыв кортесы, суетными речами посеять смуту в стране, – наш долг велит нам выйти на борьбу и, сокрушив вольнодумство, поразить мечом врагов церкви и короля. Издевайтесь, в добрый час, над нашей формой, но помните – прогнав москитов, что жужжат по ту сторону канала Санти-Петри, мы вернемся и выкроим для издателя «Патриотического еженедельника» французский камзол из его газетенки – то-то к лицу ему будет этот наряд.

Тут, весьма довольный своей шуткой, дон Педро от души расхохотался. Вслед за ним заговорил Бенья, такой же рьяный защитник старинного покроя одежды.

– Поверьте, это замечательная мысль. А дабы вы не усомнились в справедливости моих слов, прочту вам отрывок из «Листка» – я его наизусть выучил. «Другое косвенное, но вполне надежное средство для поддержания духа, – начал он, – состоит в том, чтобы вернуться к старинной испанской одежде. Невозможно представить себе, сколь благостно сие может отразиться на счастье народа. О вы, отцы родины, депутаты великого собрания! К вам обращаю я свой скромный глас. В вашей власти вернуть дни нашего былого процветания: облачитесь в одежды прадедов ваших, и весь народ последует сему примеру».

Это именно то, что несколько позднее писал не кто иной, как сеньор Бенья, поэт текущего дня, с которым я встретился в доме доньи Флоры. Он советовал отцам родины последовать примеру великого дона Педро и облечься в такое же смехотворное одеяние, на радость детворы и удивление прохожих. Хороши были бы Аргуэльес, Муньос Торреро³⁰, Гарсиа Эрре-

---

³⁰ *Муньос Торреро* Диего (1761–1829) – лидер испанских либералов, ректор Саламанкского университета, один из авторов Кадисской конституции 1812 г.

рос³¹, Руис Падрон³², Ингуансо³³, Мехиа³⁴, Гальего, Кинтана, Торено³⁵ и прочие прославленные мужи, нарядись они в этот шутовской костюм!

Между тем Бенья был либералом и слыл разумным человеком. Впрочем, как либералы, так и приверженцы королевской власти с первых же своих шагов вели себя чрезвычайно нелепо.

Кинтана спросил дона Педро, уж не собираются ли «Крестоносцы Кадисской епархии» предстать в сем одеянии на открытии кортесов.

– Мне нет дела до кортесов, – отвечал дон Педро. – Но разве вы из тех чудаков, которые верят в эту забаву? Регентский совет полон решимости вывести войска на улицу и разогнать крикунов, требующих созыва кортесов. Дайте милым деткам поиграть с новой игрушкой.

– Регентский совет, – возразил поэт, – поступит так, как ему прикажут. Он смолчит и все стерпит. Не обладая прозорливостью сеньора дона Педро, предвижу, что нация окажется сильнее епископа Орэнсе³⁶.

– Право, дон Мануэль, – сказала Амаранта, – суверенитет нации, который нынче изобрели, – вчера в доме Морла³⁷ пытались выяснить, что это такое, но никто так и не понял, – этот суверенитет нации, если его установить, приведет нас к революции наподобие французской с ее гильотиной и прочими злодеяниями. Как вы полагаете?

– Нет, сеньора, я в это не верю и не могу поверить.

– Пусть все что угодно устанавливают, лишь бы что-нибудь новое, – сказала донья Флора. – Не так ли, сеньор де Херика?

– Правильно, и долой религию, долой короля, долой все! – завопил дон Педро.

– Дайте нации власть на триста лет, – сказал Кинтана, – и мы увидим, совершится ли у нас столько же злодеяний, беззаконий и преступлений, как в предыдущие три века. Назовите мне хоть одну революцию, где бы видели столько зла и несправедливости, сколько было в правление дона Мануэля Годоя³⁸.

– Зато теперь, сеньоры, мы заживем отлично, – сказал насмешливо дон Педро. – Наступит золотой век, придет конец несправедливости, преступлениям, пьянству, нищете и всем другим бедам. Ведь нынче вместо Отцов Церкви у нас появились журналисты, вместо святых – философы, вместо теологов – безбожники.

– Сеньор дель Конгосто совершенно прав, – сказал Кинтана. – В мире не было зла, пока мы не принесли его на страницах наших дьявольских книг... Но все поправимо, стоит лишь нам вырядиться шутами.

– Как вы думаете, откроются в конце концов кортесы или нет? – спросила графиня.

– Да, сеньора, откроются.

– Кортесы не для испанцев.

---

³¹ *Гарсиа Эррерос* – либеральный депутат Кадисских кортесов, автор законопроекта о ликвидации феодальных прав и привилегий.

³² *Руис Падрон* (Антонио Хосе Руис де Падрон; 1757—?) – депутат Кадисских кортесов, либерал, священник, видный оратор, решительный противник инквизиции и клерикализма.

³³ *Ингуансо Педро* (1764–1836) – кардинал, непримиримый противник французских интервентов, депутат Кадисских кортесов.

³⁴ *Мехиа* Лекерика Хосе (1776–1813) – либеральный политический деятель, представлявший в Кадисских кортесах американские колонии Испании, автор законопроекта о ликвидации инквизиционного трибунала.

³⁵ *Торено* (Хосе Мария Кейпо де Льяно, граф де Торено; 1786–1843) – видный испанский политический деятель, историк и литератор; либерал.

³⁶ *Епископ Орэнсе* (Педро Кеведо-и-Кинтана; 1736–1818) – председатель Регентского совета, ярый противник конституции, реакционер-абсолютист.

³⁷ *Морла* Томас де ла (1752–1820) – испанский генерал, реакционер.

³⁸ *Мануэль Годой* (1767–1851) – фаворит королевы Марии-Луизы и короля Карла IV, первый министр Испании в 1792–1798 и 1801–1808 гг.

– Это еще не доказано.

– Вы неисправимый мечтатель, сеньор дон Мануэль! Скоро сами увидите, какие замечательные сцены разыграются на заседаниях, я говорю – замечательные, чтобы не сказать позорные и ужасные.

– Позор и ужасы нам знакомы издавна, сеньора, не кортесы принесут нам их впервые в мирную и религиозную Испанию. Эскориальский заговор, возмущение в Аранхуэсе, постыдные события в Байонне, отречение короля-отца и королевы-матери, ошибки Годоя, чудовищная безнравственность двора, сделки, недостойный сговор с Бонапартом и нашествие врага, как логическое завершение сговора³⁹, – все это, моя дорогая сеньора, весь этот позор и ужас – разве их принесли нам кортесы?

– Но править должен король, а кортесам полагается по старому обычаю голосовать и молчать.

– Мы наконец смекнули, что король существует для народа, а не народ для короля.

– Как же, как же, – подхватил дон Педро, – король для народа, а народ для философов.

– Если с кортесами ничего не получится, – продолжал Кинтана, – виной тому будут коварство и бесчестие их недругов и глупость их друзей; ведь вся эта чепуха – одеваться по старинке и кощунственно превращать святые вещи в шутовство – слабость, одинаково присущая как тому, так и другому лагерю. Иные уже поговаривают о том, что депутатам следует одеваться подобно альгвасилам в день обнародования папской буллы⁴⁰, а другие предлагают все речи и дискуссии на заседаниях вести в стихах.

– Но это и в самом деле было бы чудесно, – заметила донья Флора.

– Конечно, – подхватила Амаранта, – ведь заседать будут в театре, вот и получилась бы полная иллюзия спектакля. Непременно приду на открытие.

– Я тоже обязательно приду, сеньор Кинтана. Закажите мне ложу и лорнет. Ложа, по всей вероятности, платная?

– Нет, мой друг, – съязвила Амаранта. – Нация бесплатно демонстрирует свои безумства.

– Мы вас зачислим в нашу партию, – сказал Кинтана с улыбкой.

– Нет, нет, мой друг! – возразила почтенная дама. – Я предпочитаю примкнуть к «Крестоносцам Кадисской епархии». С тех пор, как я прочла о том, что творилось во Франции, я побаиваюсь революционеров. Ах, сеньор Кинтана, как жаль, что вы превратились в философа и политического деятеля. Почему бы вам не писать по-прежнему стихи?

– Не такие нынче времена, чтобы заниматься стихами. Впрочем, взгляните на наших друзей – Арриаса, Бенья, Херика, Санчес Барберо⁴¹ не дают передышки печатным станкам Кадиса.

Бенья и Херика беседовали в стороне от общества.

– Ах, друг мой! Мне невыносимо слушать это:

О Веллингтон, герой известный
И бога Марса ученик чудесный!

Нынешняя поэзия приводит меня в ужас. Лебеди умолкли, опечаленные страданиями родины, а вместо них закаркали вороны. А где же остались строки:

Бьет барабан —
Скорее в бой!

---

³⁹ Все это описано Гальдосом в романах «Двор Карла IV» и «19 марта и 2 мая».

⁴⁰ Булла – послание папы римского.

⁴¹ Санчес Барберо Франсиско (1764–1819) – испанский поэт и драматург, приверженец либералов.

– Арриаса закончил прекрасную сатиру, – сказал Кинтана. – Сегодня он ее прочтет нам.
– Легко на помине, – заметила Амаранта при виде входящего в гостиную поэта-сатирика.
– Арриаса, Арриаса! – раздалось со всех сторон. – Прочтите же нам свою оду «К Пепильо»⁴².

– Сеньоры, внимание.

– Это самое остроумное из всего, что написано на языке кастильцев.

– Доведись Пепе Бутылке познакомиться с вашей одой, он поспешил бы от одного сраму убраться восвояси.

Честолюбивого Арриасу весьма порадовал прием, оказанный детищу его вдохновения. Он прославился своими стихами-однодневками, пользовался широкой популярностью и не заставил себя долго упрашивать: вытащив из кармана объемистую рукопись и став посреди гостиной, он прочел весьма острые стихи, которые вам, без сомнения, известны. Они начинаются так:

Прославленному сеньору Пепе, королю Испании (в мечтах) и властителю Индий⁴³ (в воображении)

Посажен нам король на диво —
Вино глушит и тянет пиво.
Привет тебе, Пепильо, друг веселья,
Ты поощряешь наше виноделье.

Чтение оды то и дело прерывалось рукоплесканиями, поздравлениями, похвалами, любо было смотреть, как словно по волшебству исчезли все разногласия, слившись в единодушном насмешливом презрении к навязанному нам королю. Порой казалось, что даже величественный дон Педро и дон Мануэль Хосе Кинтана понимают друг друга.

Ода к Пепильо ходила в списках по всему Кадису. В 1812 году автор подправил ее и опубликовал.

Затем общество разделилось. Политические деятели составили свой кружок, а значительная часть гостей устремилась в соседнюю комнату к ломберным столам.

Амаранта и графиня остались на месте, дон Педро, как галантный кавалер, не покидал их ни на минуту.

VI

– Габриэль, – обратилась ко мне Амаранта, – тебе непременно надо заменить свою форму французского покроя на испанскую по примеру нашего друга. Кроме одежды, орден «Крестовцев Кадисской епархии» имеет еще то преимущество, что его участники вольны присвоить себе то звание, которое им больше по душе, – так, например, дон Педро украсил себя поясом генерал-капитана.

В самом деле, дон Педро дель Конгосто, не размениваясь на мелочи, присудил себе собственной властью высшее военное звание.

– Всяк должен сам о себе заботиться, – заявил без лишней скромности наш герой, – другим до нас нет дела. Что же касается желания юного кабальеро вступить в наш орден – в добрый час. Но знайте, что мы ведем аскетический образ жизни и спим на голых досках, а под голову вместо подушки кладем камень. Так мы закаляем себя для тягостей войны.

---

⁴² *Пепильо*, Пепе – уменьшительное от испанского имени Хосе, соответствующего французскому имени Жозеф.

⁴³ Индиями называли испанские колонии в Америке («Западные Индии») и в Азии («Восточные Индии»).

– Это прекрасно, – подтвердила Амаранта, – а если к этому еще прибавить воздержание в пище, ограничив ее двумя облатками в день, то все вы, несомненно, станете лучшими солдатами в мире. Итак, Габриэль, наберись мужества и вступи в орден «Крестоносцев Кадисской епархии».

– Я охотно сделал бы это, сеньоры, но не чувствую себя в силах выполнять столь суровые правила. Для «Крестоносцев Кадисской епархии» нужны мужи, исполненные веры и прочих добродетелей.

– Превосходно сказано, – торжественно изрек дон Педро.

– Постой, дружок, – подхватила лукавая Амаранта, – но ведь истинная причина твоего отказа вступить в достославный орден кроется не столько в твоем малодушии, сколько в том, что страстная любовь при полной взаимности пьянит и туманит твой рассудок. Орден не принимает в свои ряды влюбленных, не так ли, сеньор дон Педро?

– Судя по обстоятельствам, – ответил с важным видом дон Педро, поглаживая подбородок и устремляя взор ввысь, – судя по обстоятельствам. Ежели вновь вступающий лелеет почтительную и сдержанную любовь к серьезной, занимающей высокое положение особе, его ожидает не отказ, а самый благожелательный прием.

– О нет, в его чувстве нет ни капли почтительности, – заявила Амаранта, с плутовской улыбкой поглядывая на донью Флору. – Моя подруга, здесь присутствующая, может подтвердить, сколь пламенна и безрассудна любовь сего пылкого юноши.

Дон Педро перевел взор на донью Флору.

– Ради бога, дорогая графиня, – сказала та, – своей неосторожностью вы погубите мальчика, посвящая его в те вопросы, которые он по малолетству еще не в состоянии понять. Я же со своей стороны не даю ни малейшего повода нашему увлекающемуся юноше перейти границы. Молодости свойственны порывы, сеньор дон Педро, вполне простительные, ибо молодость...

– К чему, дорогая моя, – продолжала Амаранта, – таиться перед таким преданным другом, как сеньор дон Педро? Почему бы вам не признаться, что нежные и восторженные слова влюбленного юноши пришлись вам по душе.

– О господи, дорогая моя! – воскликнула, бледнея, хозяйка дома. – Что вы говорите?

– Правду. К чему скрывать? Не находите ли вы, сеньор дель Конгосто, что я правильно поступаю, ставя вещи на свои места? Если наша милая донья Флора питает к юнцу нежную склонность, зачем это отрицать? Любовь не преступление. Что плохого, если двое полюбили друг друга? Мое дружеское расположение к обоим дает мне право свободно говорить об этом. Я уже давно убеждаю их отказаться от всех этих тайн, секретов и обманов, которые решительно ни к чему не ведут и могут лишь повредить доброму имени моей дорогой Флоры. Я на все лады порицала ее упорное отвращение к браку, и, кажется, мое красноречие не пропало даром. Не отрицайте, Флора, вы колеблетесь, не зная, согласиться или нет. И если бы такой уважаемый друг, как дон Педро, присоединился к моим увещаниям...

Дон Педро позеленел, пожелтел, потом пошел пятнами. Я силился удержать смех и лишь взглядами и жестами подтверждал слова графини. Донья Флора, смущенная и вместе с тем рассерженная, глядела то на Амаранту, то на дону Педро; видя, что он изменился в лице, а глаза его мечут искры, она смутилась еще больше и сказала:

– Графиня, что за странные шутки! Не желаете ли, сеньор дон Педро, отведать десерта?

– Сеньора, – с гневом ответило чучело, – такие люди, как я, привыкли услаждать свой язык горечью, а сердце разочарованиями.

Донья Флора попыталась рассмеяться, но это ей не удалось.

– Да, разочарованиями, сеньора, – продолжал дон Педро, – и обидами, нанесенными тем лицом, от которого менее всего их ждешь. Каждый направляет свои любовные порывы по воле сердца. В дни моей ранней молодости я посвятил их неблагодарной особе, которая... Впрочем, не стану порицать здесь ее поведение и громогласно говорить об ее измене, но буду хранить мои

печали втайне, как хранил мои радости. Пусть никто не скажет, что я хоть раз изменил строгой почтительности, уважению и деликатной скромности, кои надлежит блюсти с обеих сторон. На протяжении целых двадцати пяти лет уста мои не произнесли ни единого предосудительного слова, руки мои не допустили ни единого дерзкого жеста, ни одно порочное желание не осквернило чистоту моих помыслов и не побудило меня проговорить слово «брак», вызывающее оскорбительные для целомудрия мысли, глаза мои не бросили ни единого вожаденного взгляда на те места, которые остаются неприкрытыми в угоду французской моде, – словом, я не позволил себе ничего, что могло унизить или запятнать святой предмет моего поклонения. Но – увы! – в наш развращенный век нет неувядающих цветов, нет чистоты, которая бы не замутилась, нет сияния, которое бы не померкло от налетевшего на него облака. Я все сказал, сеньоры, и с вашего разрешения удаляюсь.

Он поднялся, чтобы уйти, но донья Флора поспешила удержать его:

– Что с вами, сеньор дон Педро? Что означает эта вспышка? Вы обращаете внимание на шутки Амаранты. Все это клевета, сеньор, чистая клевета.

– В чем дело? – спросила Амаранта, притворяясь изумленной. – Мои слова вызвали недовольство дон Педро? Господи, только теперь я понимаю, что совершила неосторожность! Боже мой, какой вред я нанесла! Дон Педро, простите, мне, право, было невдомек... Неосторожным словом я разбила счастье двух сердец... Всему виною этот юноша. Теперь я вспоминаю, что моя подруга всегда советовала ему брать пример с вас и выражать свою любовь в таких же почтительных словах, как вы.

– Я всегда браню его за дерзость... – добавила донья Флора.

– Донья Флора треплет его за уши, когда он словом или делом переходит границы, а то и щиплет его за руку, когда они вместе прогуливаются.

– Сеньоры, прошу прощения, – сказал дон Педро, – я удаляюсь.

– Так рано?

– Своими глупыми шутками Амаранта разгневала вас.

– Я спешу в дом к графине де Румблар.

– Вы обижаете меня, сеньор. Как, покинуть мой дом ради другого!

– Графиня весьма почтенная особа, обладающая высокими понятиями о чести.

– Но она не шьет одеяний для крестonosцев.

– Зато графиня де Румблар не принимает у себя мелких политиканов и газетчиков, отравляющих воздух Кадиса.

– Вот как!

– В карты там тоже не принято играть. Туда не вхожи ни тщеславный Кинтана, ни педант Мартинес де ла Роса, ни безбожный поп Гальего, ни Гальярдо с его нечестивой философией, ни вылощенный Арриаса, ни безумный Капмани⁴⁴, ни якобинец Аргуэльес. Графиня де Румблар принимает только тех, кто почитает церковь и короля.

С этими словами чучело отвесило поклон, который едва не сломал его пополам, и, горделиво выпрямившись, не спеша удалилось.

– Дорогая моя, – сказала донья Флора, – до чего же вы неосторожны! Какая непрости- тельная оплошность, не правда ли, Габриэль?

– В самом деле, выложить ему все прямо в лицо!..

– Я боялась, мой мальчик, как бы он не обрушил свой меч тебе на голову.

– Графиня выдала нас, – сказал я с притворным гневом.

– Сущий чертенок.

---

⁴⁴ *Капмани* Антонио (1742–1813) – испанский историк, филолог и политический деятель, один из инициаторов созыва Кадисских кортесов.

– Дорогая моя, – начала Амаранта, – у меня не было дурного намерения. Поняв все, я стала на сторону бедного дона Педро. Право, донья Флора, это нечестно с вашей стороны. Через двадцать пять лет променять старого поклонника на этого непочтительного ребенка...

– Молчите, молчите, плутовка, – оборвала ее почтенная дама. – Мне не нужен ни тот ни другой. Если бы вы не смущали юношу своими вызывающими намеками...

– С этой минуты обещаю быть впредь таким же почтительным, умеренным и сдержанным, как дон Педро, – сказал я.

Донья Флора угостила меня сладостями, но вынуждена была прекратить разговор на эту тему, ибо тут к нам подошли другие дамы, принадлежавшие, как и хозяйка дома, к роду устаревших крепостей, давно отслуживших свою службу.

Я пересказал эту забавную сценку, разыгранную в шутку и недостойную серьезного внимания, потому, что она оказала большое влияние на последующие события, разговор о которых впереди, и доставила мне немало досадных огорчений. Так иной раз пустяковые и на первый взгляд незначительные случаи, не способные, казалось бы, нарушить мирное течение жизни, вызывают вдруг глубокие потрясения, когда этого меньше всего ждешь.

VII

Вскоре в гостиную вошел достославный дон Диего, граф де Румблар-и-де-Пенья-Орадада; к моему великому удивлению, он не счел нужным приветствовать графиню, которая словно и не заметила его появления, а направился прямо ко мне, чтобы в любезных выражениях поздравить меня с быстрым продвижением по службе. Я нашел, что он очень изменился, по всей вероятности, из-за недавней болезни и пережитых волнений.

– Здесь мы будем с тобой дружить не меньше, чем в Мадриде, – сказал он, входя вместе со мной в комнату, где шла игра. – Я стану навещать тебя на Острове, а ты непременно должен по вечерам бывать у нас в доме. Скажи, приезжая в Кадис, ты останавливаешься в доме графини?

– Да, случается.

– Моя родственница не забывает своих преданных пажей. Тебе, верно, известно, что я женюсь.

– Графиня сообщила мне об этом.

– Графиня больше не идет в счет. Между нею и остальной семьей произошел окончательный разрыв... Ты играешь?

– Сыграем.

– Здесь хоть дышать можно, друг мой. Я сбежал из дому, ведь там собирается по вечерам не светское общество, а конклав священников, монахов и прочих заклятых врагов свободы. У нас только и знают, что поносить журналистов и сторонников конституции. В нашем доме, Габриэль, нельзя ни в карты поиграть, ни потанцевать, ни промочить горло, там ты не услышишь ничего, кроме глупых и плоских суждений... Но так или иначе ты обязательно должен прийти ко мне. Мои сестры хотят познакомиться с тобой, они так мне и сказали. Бедняжки пропадают со скуки. Лишь один лорд Грей немного развлекает девушек... Так придешь? Только не вздумай разыгрывать из себя либерала и якобинца. Открывай рот лишь затем, чтобы обрушить тысячу проклятий на будущие кортесы, на свободу печати, на французскую революцию, и не забывай склонять голову всякий раз, как тебе случится произнести имя короля или какое-либо заклятие по-латыни, а также если зайдет разговор о Бонапарте, Робеспьере или о другом исчадии ада. Попробуй не сделать этого, и моя мать тотчас изгонит тебя из дому, а сестры не смогут пригласить тебя к нам еще раз.

– Отлично. Постараюсь выполнить программу. Где мы встретимся?

– Я приеду на Остров, а то встретимся здесь, хотя не знаю... Может, мне и не удастся больше прийти сюда. Матушка велела, чтобы и ноги моей в этом доме не было. Приходи лучше

ты к нам и спроси, дома ли твой друг Диего, тот, что выиграл битву при Байлене. Я уверил матушку, что мы с тобой вдвоем выиграли знаменитое сражение.

– А где Санторкас?⁴⁵

– В Мадриде, по-прежнему полицейским комиссаром. Его ненавидят, а он только посмеивается и выполняет свои обязанности. Ну что ж, сыграем. Ставлю на даму.

Игра шла вяло, кое-как и оживилась лишь с приходом Амаранты, которая решила попытаться счастья на зеленом поле. Тут, словно по мановению волшебной палочки, появился лорд Грей, который, как я говорил, исчез, не дойдя до дома. По обыкновению, англичанин взялся метать банк и стал невозмутимо сдавать карты, мы же взволнованно записывали взятки и быстро его обчистили. Амаранте и мне привалило сумасшедшее счастье. Напротив, скудные капиталы доньи Флоры заметно таяли; дон Диего играл с переменным успехом – то карта не шла, то ему начинало везти.

Равнодушный к проигрышу, лорд Грей чем больше терял, тем больше ставил, и вскоре все содержимое его кошелька, высыпанное на карточный стол, перекочевало в мои карманы, никогда еще не выдавшие такого изобилия. Когда лорд Грей проигрался в пух, сражение прекратилось. Меж тем политические деятели все еще спорили в соседней гостиной, даже после того, как со стола исчезли последние монеты.

Когда мы вышли, чтобы продолжить игру в доме лорда Грея, дон Диего сказал мне:

– Матушка воображает, что я уже давно сплю сном праведника. У нас принято ложиться в десять. После ужина она благословляет нас, читает вместе с нами молитву и отсылает спать. Притворяясь сонным, я иду к себе в спальню, гашу свет, а когда в доме все стихает, удираю на улицу. Возвращаясь на рассвете, я открываю дверь своим ключом и ложусь. Только сестры посвящены в мою тайну и вполне меня одобряют.

В доме лорда Грея нам подали великолепный ужин, после чего мы вытащили книгу в сорок страниц⁴⁶ и провели остаток ночи за лихорадочным чтением. Дон Диего с переменным счастьем, англичанин – упорно опустошая свои карманы, я – неизменно выигрывая; так продолжалось до утра, пока нас не сморила наконец усталость. Да, в славные годы 1810, 1811 и 1812 карточная игра шла вовсю.

После того вечера мне долго не удавалось вырваться с Острова, и лишь двадцать восьмого мая в составе армейской делегации, посланной приветствовать регентов накануне их переселения в Таможенный дворец, я смог попасть в Кадис. Церемония встречи правителей проходила радостно и оживленно двадцать девятого и особенно тридцатого мая, потому что это был день святого покровителя нашего короля Фердинанда VII. Во дворце нам предстояло нести почетный караул, пока в залах шло торжественное заседание. Вскоре разнеслась весть, что в Кадис прибывает сотня кирасиров, одетых по-старинному, чтобы выразить Регентскому совету свои верноподданнические чувства. При этом известии я вспомнил славного дона Педро и разом понял, не усомнившись ни на минуту, кто является инициатором столь интересной затеи.

Около полудня со стороны улиц Педро-Конде и Мансаны появилась стая мальчишек, неизменных предвестников необычайных и забавных происшествий. В самом деле, за эскадронном ребятам, которые восторженно кричали на все лады, на улице показалось около сотни всадников в желто-красных одеяниях, подобных тому, которое облакало тощую фигуру великого дона Педро. Сам он ехал впереди в своем клоунском наряде, с поясом генерал-капитана, такой напыщенный, самодовольный и гордый, что было ясно – он не поменялся бы судьбой даже с Готфридом Бульонским⁴⁷ в день его торжественного въезда в Иерусалим. Грудь дона Педро,

---

⁴⁵ *Сантаоркас* Луис – персонаж романов «Байлен» и «Наполеон в Чамартине», отец Инес.

⁴⁶ Имеется в виду колода карт (в испанской колоде – сорок листов).

⁴⁷ *Готфрид Бульонский* (ок. 1060–1100) – герцог Нижней Лотарингии, один из предводителей первого похода на Восток, первый правитель Иерусалимского королевства.

как и остальных воинов, вместо кирас украшали лишь кресты, а из оружия у одних были сабли, у других – короткие шпаги. Для участников карнавала они выглядели сносно, но как «Крестоносцы Кадисской епархии», призванные покончить с французами, они являли собой самое нелепое, смехотворное зрелище, какое только можно найти в анналах истории.

Толпа встречала колонну всадников приветственными криками по той простой причине, что новоявленные крестоносцы выглядели очень забавно. Они же, слыша рукоплескания, воображали, что достойны восторженного приема не менее, чем легионы Цезаря или Ганнибала. По счастью, из порта Санта-Мария, где стояли французы, невозможно было даже в подзорную трубу разглядеть столь поразительную картину, иначе она вызвала бы скорее раскаты смеха, чем грохот пушек.

Колонна подъехала ко дворцу. Дон Педро просил разрешения войти и приветствовать регентов. Мы отказались пропустить крестоносцев, полагая, что совет еще не лишился рассудка. Грохоча саблей о плиты мостовой и изрыгая угрозы, дон Педро едва не силой ломился в дверь. Мы пошли во дворец, чтобы уведомить сеньоров из Регентского совета, какого рода чудища пытаются проникнуть в их апартаменты. Опасаясь потерять популярность, регенты согласились в конце концов принять рыцарей в старинных одеяниях. Такова слабость, присущая испанским правителям!

Итак, сопровождаемый пятеркой своих верных соратников, Конгосто проследовал во дворец и, представ перед регентами, отвесил глубокий поклон, потом выпрямился, горделивым взглядом обвел из конца в конец весь зал и сунул руку в карман шаровар старинного покроя. Вытащив, ко всеобщему удивлению, очки в толстой оправе, он нацепил их на свой орлиный нос. В сочетании с причудливым одеянием очки выглядели донельзя смешно и нелепо. Правители не знали, сердиться им или просто расхохотаться, а находившиеся в зале гости с явным удовольствием созерцали столь диковинное зрелище.

Надев на нос очки и укрепив их должным образом на переносице и за ушами, дон Педро сунул руку в другой карман и вытащил из него свиток, но какой свиток! – длиною по меньшей мере в целую вару⁴⁸. Поначалу мы решили, что это речь, но – увы, сеньоры! – то были стихи. В те времена для обращения к публике, к королю или к властям плохие стихи странным образом имели преимущество над плохой прозой. Итак, он развернул свой длинный свиток, кашлянул, прочищая горло, пригладил свисавшие усы и глухим раскатистым голосом приступил к чтению одиннадцатисложных строк – хромых и косых калек, настолько дурно сработанных, насколько это возможно себе вообразить, – ведь они были творением того, кто их читал. Сожалею, что не могу представить моим друзьям образец сего литературного творчества, – не будучи опубликованными, они исчезли из моей памяти. Но, забыв форму, я живо припоминаю их смысл, а он сводился к тому, что одежда старинного покроя – единственный способ возродить наш умерший и позабытый героизм былых времен.

В начале чтения дон Педро выхватил из ножен шпагу и в особо патетических местах то рассекал перед собой воздух мощными ударами, то вращал клинок над головой, что усугубляло нелепость и без того несуразной картины. Закончив чтение увечных виршей, он спрятал свиток со стихами, снял с носа очки, вложил шпагу в ножны и, снова отвесив глубокий поклон, покинул зал, сопровождаемый своими приверженцами.

Сеньоры, мой рассказ – истинная правда! Ваше недоверие оскорбляет меня. Откройте книгу истории, но не ту, что доступна всем и каждому, а ту, другую, продиктованную свидетелями-очевидцами, и потому более достоверную. Неужто вы позабыли опереточный, шутовской характер наших политических партий во времена их зарождения? Клянусь, что все здесь изложенное – чистейшая, святая истина, хотя на первый взгляд она и кажется неправдоподобной, а кое-что я просто скрыл, дабы пощадить наше национальное достоинство.

⁴⁸ *Вара* – старинная испанская мера длины, равная 83,5 см.

Затем эта необыкновенная процессия двинулась по улицам Кадиса к вящей радости жителей, которые с веселым смехом созерцали красочное зрелище, не решаясь, однако, последовать примеру любителей старинного покроя одежды... Здравый разум еще не покинул их. Для детворы это был суший праздник. Дамы заполнили балконы и террасы, толпы народа высыпали на улицу. Шествие напоминало въезд Дон Кихота в Барселону; для полноты сходства не хватало только, чтобы мальчишки облепили репейником круп коня, на котором гарцевал дон Педро, и, если память мне не изменяет, нечто подобное все же произошло к концу торжественного возвращения крестоносцев на Остров.

После описанных событий для меня настали унылые дни, послужившие причиной длительного перерыва в моем повествовании. Первого июня я занемог, у меня открылась свирепствовавшая в те времена желтая лихорадка, как и у множества других жертв, оказавшихся менее счастливыми, чем ваш покорный слуга, который избежал когтей смерти, хотя и пребывал в таком состоянии, когда ему уже начали мерещиться дали того света.

Впрочем, моя болезнь (помнится, уже посетившая меня однажды в детстве) не надолго приковала меня к постели. Я находился на Острове. Мои преданные друзья навещали меня: лорд Грей не пропускал ни одного дня, Амаранта и донья Флора часами просиживали у моего изголовья. Когда опасность миновала, они даже заплакали от радости.

Узнав, что я поправился, дон Диего пришел навестить меня и сказал:

– Завтра ты непременно должен прийти к нам. Мои сестры и невеста что ни день спрашивались о тебе. Они очень тревожились.

– Завтра же буду у вас.

Я был далек от мысли, что на следующий день безжалостный военный приказ надолго удалит меня из моего любимого города. Дело в том, что дон Мариано Реновалес, бесстрашный воин, совершивший столь героические подвиги в Сарагосе, получил под свое начало экспедиционный отряд, которому предстояло отплыть из Кадиса и высадиться на севере. Реновалес обладал той безрассудной отвагой, которая присуща нашим выдающимся военным, но которая зачастую отнюдь не сочетается с глубокими знаниями, необходимыми для полководца. Он выпустил издевательскую прокламацию с изображением вдребезги пьяного Пепе Бутылки, который держит в руке кружку с вином; подпись под рисунком была такой же грубой и вызывающей, как и сам рисунок. Тем не менее автора расхваливали, а в награду за рвение поручили командовать отрядом. Наша обычная беда! Глупцы в Испании частенько делают карьеру.

Ну вот, как я уже сказал, Реновалес получил небольшой воинский отряд, к которому прикомандировали и меня; еще не оправившись после болезни, я был вынужден следовать за сумасбродным командиром, хотя отлично понимал, к чему приводят подобные затеи. Повинуясь приказу, я сказал «прости» друзьям и погрузился на корабль. О, какая тяжкая, мрачная и бесплодная авантюра! Можно ли поручать серьезное дело невежественному, хотя бы и популярному человеку, не имеющему иных достоинств, кроме личной слепой, безудержной отваги? Не стану перечислять все невзгоды экспедиции. Нас трепали бури, мы испытали всяческие беды и, в довершение несчастий, не только не добились какого-либо успеха, но потеряли часть людей, – едва высадившись в Астурии, они попали в плен к французам. Те немногие, которые после трех с половиной месяцев неописуемых мытарств уцелели и вернулись назад, пристыженные провалом злополучного похода, благодарили Бога за свое спасение. По отсутствию здравого смысла мы могли смело поспорить с «Крестоносцами Кадисской епархии».

Итак, мы вернулись в Кадис. Нас встретили ликующими криками, как героев, увенчанных славой. В кратких словах мы пересказали все происшедшее. Восторженные патриоты не хотели верить, что Реновалес оказался бездарным командиром. К несчастью, в Испании хватает героев подобного рода.

Высадившись в порту и немного передохнув, мы явились к властям Острова. Было двадцать четвертое сентября.

VIII

В тот день на Острове царило праздничное оживление. Разноцветные флажки украшали дома и общественные здания; нарядно одетые жители, моряки и солдаты в парадной форме, сияющая природа, прекрасное, залитое солнечными лучами утро – все дышало радостью. По дороге из Кадиса на Остров катился нескончаемый поток пешеходов и экипажей. На площади Сан-Хуан-де-Дьос возницы кричали путникам: «В кортесы, в кортесы!»

Точь-в-точь как в день корриды. Все общество спешило на празднество, старинные сундуки и лари – как в богатых, так и в бедных домах – опустели. Богач торговец надел свой лучший суконный камзол, изящная дама – лучшее шелковое платье, молодые парни – ремесленники и крестьяне – оживляли толпу яркими красками живописнейших костюмов. Трепетали веера, радугой переливаясь на солнце; искрились и сверкали ослепительные блески на черном бархате. Лица сияли радостью, весь народ – одна сплошная улыбка, и никто не спрашивал, куда спешат люди, ибо в воздухе стоял немолчный гул: «В кортесы, в кортесы!»

Экипажи следовали один за другим. Простой люд шел пешком, с гитарой через плечо и узелком со снедью за спиной. Мальчишки из Калеты и Виньи⁴⁹, уверенные, что без них праздник не в праздник, кое-как привели в порядок свои лохмотья и отправились на Остров, взяв на плечи палки вместо ружей; сквозь ребячий визг, крик и гам ясно слышался общий клич юного воинства: «В кортесы, в кортесы!»

Гремели пушки на кораблях, стоявших в заливе; среди белых клубов дыма вверху, на мачтах, подобно стаям фантастических птиц с ярким оперением, реяли сотни флагов. Солдаты и моряки чинно выступали в шляпах с плюмажами, на груди их красовались ленты и медали, лица сияли гордостью. Все обнимались с военными, поздравляя друг друга со счастливым событием, все верили, что настал день нашего благополучия. Важные особы, писатели, журналисты с удовлетворением отвечали на приветствия и славил появление новой зари, великого светоча, небывалого счастья, проникновенно восклицая: «Кортесы, кортесы!»

В таверне Поэнко завсегдатаи обильными возлияниями воздавали честь великому событию. Франты, контрабандисты, драчуны, пикадоры, мясники, лошадиные барышники – все позабыли на время свои распри, не желая в столь торжественный день нарушать мир, согласие и добрую дружбу между гражданами. Нищие, покинув свои обычные места, поспешили к брустверу, это было настоящее нашествие безруких, безногих, увечных, надеявшихся на щедрую милостыню; показывая толпе свои болячки, они просили подаяния уже не именем милосердного Бога, но ради нового высшего божества и твердили: «Ради кортесов, ради кортесов».

Дворяне, народ, торговцы, военные, мужчины и женщины, счастливые обладатели талантов, денег, молодости и красоты – все, за немногим исключением, желали стать свидетелями великого события, большинство – охваченное подлинным восторгом, кое-кто из любопытства, иные – потому что краем уха слышали о кортесах и хотели увидеть, что они собой представляют. Всеобщее ликование напомнило мне торжественный въезд Фердинанда VII в Мадрид в апреле 1808 года⁵⁰ после событий в Аранхуэсе.

Когда я добрался до Острова, улицы были запружены народом. Все жаждали поближе разглядеть появившуюся здесь процессию. К стеклам крытых балконов прильнули женщины. Колокола всюду трезвонили, народ всюду кричал, люди стояли, прижатые к стенам домов, ребятишки карабкались вверх на ограды. Колонной в два ряда шагали солдаты, прокладывая путь шествию. Все хотели видеть, но всем видеть не удавалось.

⁴⁹ Винья – квартал Кадиса, населенный бедняками.

⁵⁰ На самом деле Фердинанд VII приехал в Мадрид из Аранхуэса 24 марта 1808 г. Его приезд описан Гальдосом в романе «19 марта и 2 мая».

Не подумайте, что то была процессия верующих со статуями святых или шествие королей и принцев, – по правде говоря, подобные явления были слишком обычными в Испании, чтобы привлечь особое внимание толпы. По улице двигалась вереница мужчин – юношей и стариков – во всем черном; среди них были священники, но большинство составляли миряне. Впереди шло духовенство, во главе с инфантом Бурбоном⁵¹ в праздничном облачении кардинала, и члены Регентского совета, следом за ними множество генералов, придворных, прежде служивших королю, а теперь – народу, высших чиновников, членов Кастильского совета, вельмож и дворян, многие из которых даже не знали толком, что происходит.

Процессия вышла из собора, где была отслужена торжественная месса и «Te Deum»⁵². Народ не переставая кричал: «Да здравствует нация!», как мог бы кричать: «Да здравствует король!» Хор, расположившийся на трибуне за углом, затянул гимн, без сомнения весьма похвального содержания, но крайне убогий с точки зрения поэзии и мелодии. Вот его слова:

Наконец совершилось —
после бурь и страданий
на небе Испании
забрезжил рассвет.
Лишь мудрость кортесов
дарует народу
блаженство свободы
и радость побед.

Композитор так бесталанно сочинил музыку и так мало смыслил в искусстве каденции, что певцам поневоле пришлось четырежды повторить «мудрость, мудрость» и т. д. Впрочем, это обстоятельство не повлияло на невинную и чистосердечную радость народа.

Когда шествие скрылось из глаз, я столкнулся с Андресом Марихуаной.

– Мне чуть не сломали руку в церкви, – пожаловался он. – Что за люди! Но я решил увидеть все и ничего не пропустил. Это было замечательно!

– А речи уже начались?

– Нет, что ты. Носатый кардинал никак не кончал мессу, потом регенты привели прокураторов⁵³ к присяге и спросили: «Клянетесь ли вы блюсти католическую веру? Хранить целостность испанской нации? Почитать на троне нашего обожаемого короля Фердинанда? Верно исполнять свои обязанности?» На что те отвечали: да, да и да. Тут заиграл орган, хор затянул молитвы, и все. Габриэль, давай попытаемся проникнуть в зал заседаний.

Считая это почти невозможным, я все же направился к театру; протиснувшись сквозь толпу к дверям, перед которыми собралось немало народу и экипажей, я услышал, как меня громко зовут: «Габриэль», «Арасели», «Габриэль», «Сеньор дон Габриэль», «Сеньор де Арасели».

Я огляделся по сторонам и увидел два веера, которыми махали мне, и два лица, которые мне улыбались. То были Амаранта и донья Флора. Я поспешил к ним; дружелюбно поздоровавшись со мной и поздравив с благополучным возвращением, Амаранта сказала:

– Идем с нами. У нас пропуск в отдельную ложу.

Поднимаясь по лестнице, я спросил графиню, нет ли чего нового, не произошло ли каких-нибудь перемен в мое отсутствие, на что она ответила:

---

⁵¹ *Инфант Бурбон* (Луис де Бурбон, кардинал Эскала; 1777–1823) – двоюродный брат Карла IV.

⁵² Благодарственный молебен (*лат.*).

⁵³ *Прокураторы* — депутаты, избранные в кортесы жителями городов.

– Все осталось по-старому. Единственная новость – болезнь моей тетки, ревматизм приковал ее к постели. Донья Мария окончательно взяла в руки бразды правления и одна командует в доме... Мне ни разу не удалось увидеться с Инес, девушек на улицу не выпускают, передать ей письмо тоже невозможно. Я с нетерпением ждала твоего возвращения, Габриэль: дон Диего обещал пригласить тебя в дом. Если тебе удастся попасть к ним, ты можешь во многом мне помочь. Из лорда Грея не вытянешь ни единого слова, но признаки того, о чем я тебе рассказывала, умножились. Через служанку мы узнали, что донья Мария насторожилась и следит за ходом событий, даже дон Диего, несмотря на присущую ему тупость, и тот кое-что замечает и сходит с ума от ревности. Тебе необходимо завтра же отправиться туда, хотя я сильно сомневаюсь, что графиня де Румблар жаждет тебя видеть.

Больше мы на эту тему не говорили, все наше внимание было поглощено необычным зрелищем – кортесами. Мы сидели в ложе театра; рядом с нами в таких же ложах мы увидели множество дам, кабальеро, посланников и прочих высокопоставленных лиц. Внизу, в партере, депутаты занимали два ряда скамей справа и слева от сцены. На сцене в креслах сидели епископ и какие-то четыре сеньора, а впереди – министры. Через несколько минут – не успели под ними согреться сиденья – члены Регентского совета поднялись и вышли, словно желая этим сказать: «Разбирайтесь во всем сами, как вам вздумается».

– Бедняги, – сказала Амаранта, – право, мне их жалко. Посмотри, как они растеряны и ошеломлены, не зная, с чего начать.

– Достопочтенный епископ Оренсе удалился, – заметила донья Флора. – Здесь говорят, что эти самые кортесы ему не по душе.

– Насколько я могу понять, идут выборы председателя, – сказал я. – Со всех сторон подаются бумажки, очевидно, с именами кандидатов.

– Мы здесь насмотримся чудес, – прибавила Амаранта, предвкушая развлечение.

– Я жду не дождусь, когда начнутся проповеди, – заметила донья Флора. – Поторапливайтесь, сеньоры. Как я вижу, здесь немало духовных лиц, похоже на то, что мы услышим настоящих златоустов.

– Они косноязычны, ваши церковные философы, – заявила Амаранта. – В кортесах выступят светские ораторы; я уверена, здесь вскоре разыграется презабавная кутерьма, не хуже, чем на Народных собраниях во времена фуэрос⁵⁴. Приготовимся всласть посмеяться.

– Ну, кажется, председателя выбрали. Послушаем этого юного кабальеро, он что-то читает на сцене – совсем как актер, не успевший выучить свою роль.

– Он просто взволнован торжественностью заседания, – возразила Амаранта. – Право, мне кажется, все эти сеньоры были бы рады, если бы их отпустили по домам. Впрочем, выглядят они неплохо.

– А вот виконт де Матарроса, – заметила донья Флора. – Тот белокурый юнец. Я видела его в доме Морла, очень умный мальчик... Знает английский.

– Этому ангелочку еще в пору молоко сосать, а его выбрали депутатом, – улынулась графиня. – Он не старше тебя, Габриэль. Нечего сказать, мудрые у нас законодатели. Нашим Солонам⁵⁵ не более двадцати весен.

– Дорогая графиня, – сказала донья Флора, – мне отсюда отлично виден дон Хуан Никасио Гальего. Он внизу среди депутатов.

– Да, вижу. Дон Хуан способен зараз проглотить и кортесы и регентов. В жизни своей не видела более остроумного человека, уверена, что он пришел посмеяться над своими кол-

---

⁵⁴ *Фуэрос* – особые привилегии, которые предоставлялись в Средние века некоторым испанским провинциям и городам, в частности право иметь свои народные собрания, где вопросы решались криком.

⁵⁵ *Солон* (640–558 до н. э.) – полубогатый основатель Афинского государства, мудрый законодатель.

легами-депутатами. А рядом с ним – разве это не дон Антонио Капмани? Поглядите, что за человек! Ни минуты не посидит спокойно, так и вертится, как белка.

– Тот, что сейчас усаживается, это Мехия.

– Я вижу также ангельский лик Агустинито Аргуэльеса. Говорят, он прекрасный оратор. А вон Боруль⁵⁶. Я слышала, будто кортесы ему не по нраву. Однако пора начинать представление. Как они тянут!

– Места бесплатные, так что следует запастись терпением.

– Ну вот, председатель на месте. Начнут ли они наконец?

– Интересно послушать, что будут говорить...

– Мне тоже.

– Нас ждет прелюбопытнейшее зрелище, – сказала Амаранта, – каждый станет требовать, что его душе угодно.

– Один выступит и скажет: «Я хочу этого», а другой ответит: «А я не желаю», и скучное собрание сразу оживится.

– Да, такого еще не бывало! Вот будет потеха, когда церковники закричат: «Долой философов!», а философы: «Долой священников!» Удивляюсь, что председатель не запасся плеткой.

– Поверьте, дорогая, приличия будут соблюдены.

– А где это они научились блюсти приличия?

– Тише, выступает депутат.

– Что он сказал? Ничего не поймешь.

– А он уже садится.

– На сцене кто-то что-то читает.

– Некоторые встали со своих мест.

– Они сказали, что приняли к сведению. Мы тоже. Столько шума из ничего.

– Тише, сеньоры, сейчас произнесут речь.

– Речь! Послушаем. Как шумят в ложах! Если публика не успокоится, председатель велит опустить занавес.

– Кажется, вон тот священник, что напротив, собирается взять слово?

– Встал, поправил свою шапочку, откинул сутану. Вы знаете его?

– Я – нет.

– И я не знаю. Послушаем, что он скажет.

– Он говорит, что следовало бы принять ряд предложений, записанных у него на бумажке.

– Отлично. Так прочтите же нам вашу бумажку, сеньор священник.

– Кажется, он собирается сначала произнести речь.

---

⁵⁶ Боруль Франсиско Хавьер (1745–1829) – испанский историк, либеральный депутат Кадисских кортесов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.